

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Яна АЛЕКСЕЕВА

ОХОТЯЩИЕСЯ
В НОЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Яна Алексеева

ОХОТЯЩИЕСЯ В НОЧИ

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826265
Алексеева Я. Охотящиеся в ночи: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1026-2*

Аннотация

Господа, рассказать вам сказку? Не добрую и светлую, а настоящую. Про тех, кто скрывается в тени, крадется в ночи, танцует при свете луны? Про берегущих секреты и знания, про стерегущих иные законы? Про Роды и Клань, про тех, кто нарушает традиции. И про тех, кто следит за порядком в сокрытом от обычных людей мире.

Начнем, пожалуй.

Однажды поздним вечером по городу кралась волчица...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Яна Алексеева

Охотящиеся в ночи

Глава 1

Ритуал Поворота

Неприятности имеют нехорошее свойство ходить сначала парами, потом тройцами, а затем и вовсе толпами – это непреложный закон бытия. Но лично мне до сегодняшнего дня не случалось ощутить в полной мере данную закономерность. И вот! Попала в газеты (отличное фото), поругалась с соседкой (так и надо этой наглой жирной кошке), уволилась с работы (невелика потеря, официантка вечерней смены) и в довершение ко всему оказалась свидетельницей такого события!..

Я замерла за углом, прижавшись боком к старому забору, за которым начинался пустырь, заросший буйными, в человеческий рост, сорняками. Там, в выжженном круге, убивали – жестоко, грязно и со смыслом, ускользящим от моего разума, тонким слоем размазанного по охотничьим инстинктам волчицы. Высокий туманный силуэт то склонялся над распятым на земле телом, то резко выпрямлялся, вздымая руки вверх. Убийца что-то говорил, все понижая и понижая голос, но его слова ничего не значили для меня. Станные жесты казались бессмысленными, но завораживали, как и нож, мертвенно поблескивающий в опалесцирующем свете почти полной луны.

В еще недавно свежем ночном воздухе гуляли запахи страха и крови, смерти и разложения. Слабый ветерок нес их прямо на меня, заставляя морщить нос... Неправильность и мерзкая неестественность всего происходящего мурашками ползала по коже, отчего шерсть вздымалась на загривке, а клыки непроизвольно обнажались в яростном оскале. Бесшумной прозрачной тенью я скользнула вдоль забора.

Фигура на пустыре, издав гортанный крик, склонилась над беспомощной жертвой. Откуда-то с неба донесся ответный гул. Рука, сжимающая короткий изогнутый нож, двинулась вверх, затем вниз, и клинок по рукоятке вошел в грудь несчастного. Распятого на земле дернулся и захрипел, слабое желтоватое сияние окутало тело. Убийца выдернул нож, и свет начал медленно втягиваться в лезвие и дальше, через витую рукоятку, в запястье. Воткнув орудие убийства в изголовье жертвы, черный человек коротко рассмеялся и растворился в тени, отброшенной набежавшей на луну тучей.

Когда миазмы смертоносного присутствия рассеялись, я подошла ближе. Мною двигали страх и любопытство, уже пробиравшее в кровь предчувствие неприятностей, грозящих нашему городу. Обойдя место ритуала, не касаясь пентаграммы, я принялась. Смерть, прах – и ни малейшего следа черного человека... да и человека ли? Вокруг расплзался слабый фиалковый аромат и еле уловимый запах горькой полыни. Вдоволь наглядевшись на распятую на земле жертву, смуглую изящную узкоглазую девушку с застывшей на лице гримасой ужаса, я продолжила свой путь.

Полнолуние – время древних забытых сил, которые крепко спят и для пробуждения которых нужно совершить определенные действия в определенном месте. И еще нужна кровь, несколько капель крови.

– ...источник в районном управлении внутренних дел сообщил, что жертва опознана. Ею оказалась двадцатисемилетняя Алена Сергеевна Семенова, продавщица из магазина «Спорттовары». Она не вернулась домой после вечерней смены... Город в ужасе, это уже

пятая жертва за неполные две недели! – распиналась телеведущая. – Милиция просит всех, кто может что-либо сообщить об этих убийствах, звонить по теле... – Тут я выключила черно-белого монстра, с упорством одержимого вещающего на единственном местном канале.

Теперь подробности происходящего я знала лучше кого бы то ни было, исключая самого убийцу. Пять убийств, жертвы – три женщины и двое мужчин, разного возраста и социального положения, ничем, кроме похожей смерти, друг с другом не связаны. Все найдены в пустынных заброшенных местах нашего города лежащими в центре пентаграммы из красного воска и полностью обескровленными. Орудие убийства неизменно воткнуто в изголовье жертвы. Жестоко и бессмысленно. Методично и целеустремленно...

В сумерках я выскользнула из дома, и город ласково принял меня в туманные объятия. Искать, следить и охотиться. Я действительно безумна, потому что собираюсь сделать это – поохотиться.

Если задуматься, мои неприятности начались гораздо раньше. А именно – в ту ночь и в тот час, когда одна нелюдима приютская девчонка ощутила непреодолимое желание завывать на луну. Тогда она впервые познала свободу, которая ничем не ограничена. Уйти и не вернуться – что может быть приятнее? Но дисциплина и порядок – догмы, ненавистные для приютских заморышей, оказались сильнее. Они были крепко вбиты в головы детей суровой директрисой, маленькой сморщенной старушкой с громоподобным голосом. Моя благодарность этой стойкой женщине.

В ту ночь, как и во все последующие, я вернулась, подгоняемая пониманием, что самое разумное – придерживаться обыденного порядка вещей. И только поэтому я не осталась в тумане города навсегда, как происходило со многими еще до моего рождения. Вторую, полуночную сущность приходилось постоянно скрывать, от этого характер становился все более угрюмым и мрачным, появилась безжалостная непримиримость к недостаткам окружающих. Люди раздражали.

Когда пришлось покинуть приют, я неожиданно ощутила сильнейшее чувство принадлежности. Нет, не моей к чему-то, а скорее города – мне. Ощувив себя хозяйкой этого захолустного, забытого не только богами, но и демонами места, я приняла правила, по которым живут люди. И самое первое правило – не выделяться. Маскарад... У меня есть дом, где приходится коротать дни и ночи, официальная работа (впрочем, уже нет – уволилась) и полуночная охота, придающая существованию толику смысла.

Кто-то назвал бы меня оборотнем, но я предпочитаю именоваться Охотящейся в ночи. Прежде я никогда не встречала в городе подобных себе, а смутные догадки о возможном существовании на этой земле не только людей были подтверждены весьма неожиданным способом...

И вот я бесшумно скольжу среди домов, объятых ночью, и ведет меня, похоже, не охотничий инстинкт, а скользкий неуловимый ужас, сочащийся из темных подворотен. Город боится, и я запутываюсь в тенетах этого страха. Чем-то очень нехорошим может окончиться сегодняшняя охота. Старые дома, похожие на зубы дракона, неровной линией выстроились вдоль улиц. Вокруг витают запахи жизни и смерти, предательства и ненависти, счастья и горя.

Что я буду делать, если встречу *его*?.. Но в эту ночь мне не был дарован сомнительный успех. До апогея июньского полнолуния оставалось еще два дня.

Чем еще это объяснить, кроме как невероятным везением? Он просто не верил своим глазам. После почти недельного бесцельного поиска в Тени и бессильного наблюдения за небесными сферами наткнуться на характерную концентрацию страха...

Маленький полузаброшенный человеческий городишко излучал в пространство такой ужас, перед которым меркли гигантские эмоциональные факелы мегаполисов. До завершения ритуала оставалось две ночи. Нужна была последняя жертва.

Удача явилась в лице неприметной сероглазой Охотящейся, единственной темной на весь город, мрачно и обреченно кружащей по ночным улицам.

Ощутив давно и, казалось бы, прочно забытое чувство – волнение, он затаил дыхание, растворяясь в видении, лишь краем сознания контролируя погружение в иную реальность...

Серые глаза, такие же серые волосы, гибкое тело, жилка, бьющаяся на хрупкой шее в нечеловечески быстром ритме. Незаметная, незапоминающаяся, с тонкими запястьями и диким, жарким огнем, пляшущим в зрачках.

Незавершенная, раздвоенная, колеблющаяся между мирами одинокая полукровка.

Тучи вновь накрыли все сплошным пологом. Дождь, не переставая, моросил с самого утра. Город пробуждался и властно вовлекал меня в водоворот человеческой жизни.

Ненавижу общественный транспорт. Омерзительный букет запахов под названием «С добрым утром» вызывает тошноту. Перегар разной степени резкости перемешался с ароматом зубной пасты и дезодорантов, которые, по мнению людей, должны освежать все и вся. И работу ненавижу! Впрочем, я же уволилась и просто еду забрать вещи. Успокаивающе повторяю про себя, что соблюдение правил маскарада является основой безопасного существования. Моя утренняя мантра. В воздухе стояла удушающая жара, а моросящий дождь давал почти стопроцентную влажность. Возникало стойкое ощущение, что город целиком попал в какую-то баню.

Мое бывшее место работы, кафе «Афины», располагалось на окраине города и было оформлено с претензией на древнегреческий стиль. Оно пользовалось дурной славой еще до моего рождения, а во времена перестройки его стены повидали множество неприятностей. Пара заказных убийств, десятков мелких бандитских разборок, череда сменяющих друг друга, не всегда добровольно, владельцев. И теперь «Афины» имеют репутацию наиболее злочного и опасного места в городе, которое привлекает все самое гадкое, наглое и жестокое отребье и категорически не приемлет «приличных» людей. Регулярными посещениями данное заведение балует и милиция с ОМОНОм на пару, и серьезные дядечки с толпой секьюрити, шерстящие местный контингент каждый по своим вопросам.

Однажды двое амбалов устрашающего размера устроили соревнование по порче посуды – кто больше разобьет. И что-то такое пакостное они сказали, пока я ползала по полу, собирая осколки. Желудок сводило от голода, к тому же я была после дежурства. Незаметно выскользнув вслед за этими двумя, я скинула в ближайшей подворотне одежду, устроила охоту и долго гоняла парней по окраинам, не давая приблизиться к машине. Сгущались сумерки. Проникновенный волчий вой гулко разносился по пустым цехам заброшенного сталепрокатного завода, будя потаенные страхи. И желтым огнем пылали глаза... В общем, не будите спящую волчицу. Я ведь и сама тогда испугалась, что меня поглотит неконтролируемая ярость. Один из амбалов надолго поселился в тюремной психушке, второй раз в полгода слал ему посылки откуда-то с Камчатки. Но какие сказки они рассказывали следователю, явившись с повинной!

Много позже, услышав об этом случае, учитель назвал меня самым человеколюбивым и интеллигентным оборотнем из всех живущих. Вот за это я его чуть не убила. Некий налет человечности во мне, разумеется, есть, но не очень плотный.

Оказавшись в «Афинах», я вдруг почувствовала, как на меня наваливается неимоверная усталость. Еле волоча ноги, я сдала форму, получила от администратора конверт с отступными и пожелание пропасть пропадом. Ему я пожелала того же.

А теперь обратно домой, ждать вечера и охоты. Я неторопливо брела по городу. Мелкий моросящий дождь прогнал сонную одурь, овладевшую мной. Внемлете ли вы очарование темного пустого города? Когда лишь редкий прохожий, спеша сквозь туманную пелену, нарушает звонкую тишину. Когда кажется, что ты один в этой вселенной, состоящей из бесконечной череды улиц. Когда ты – хранитель и повелитель этого мира, и он безропотно подчиняется, позволяя изменять, перекраивать гибкую и вязкую, словно пластилин, ткань реальности так, как хочется. Когда ночь наполняет тени новыми чистыми запахами, не оскверненными человечиною, а фонари, как острова в бескрайнем море тьмы, очерчивают светлые круги на асфальте и листва редких деревьев кажется отлитой из бронзы. Бесшумно скользя от одного островка света к другому, я забываю обо всем на свете, кроме этой улицы и этих домов...

Обычно я люблю ночь. Но не сегодня. Меня подтачивали смутные опасения. Очарование ночи было нарушено. Чужак, незнакомец возник на границе между мною и вечностью. Застыв в круге света, я прислушалась и вгляделась. Позади мелькнула плотная, почти осязаемая тень. Он шел за мной! Сердце заколотилось в груди, руки мелко задрожали. Волчица оскалилась, пытаясь вырваться на свободу. Страх придет потом. Сейчас, сейчас я получу ответы на все вопросы, тревожащие мое бытие. Вопросы, ни разу не заданные вслух.

Стремительный рывок вперед – и дома, взирающие на улицу равнодушными провалами окон, сливаются в единую туманную стену.

«Домой, домой!» – истерично надрывалась одна часть сознания, тогда как другая готовилась торжествуяще взвыть, желая поохотиться. Впереди воздвиглась туманная пелена. Влажная, манящая – она протягивала свои щупальца и звала, тянула меня к себе. Что можно противопоставить этому притягательному, отдающему плесенью забвения зову? Только жажду жизни: пульсацию крови в жилах и волны адреналина, выключающие сознание.

Стремительное движение, все более ускоряющееся, приближало ко мне жадные объятия тьмы. Неимоверным усилием воли я смогла лишь слегка изменить направление движения. Непослушные ватные ноги пронесли меня было мимо тьмы, когда пелена резко развернулась и я, обернувшись, сбилась с ритма. Асфальт больше не подталкивал мое тело в мгновенно загустевший воздух, не добавлял искрометной легкости в движения... Пелена сковывала, сжимала, убивала! Тьма все звала, и воля к жизни почти оставила меня.

Волчица взвыла, стряхивая оковы наваждения, отскочила назад и, оскалившись, метнулась дальше по улице серой бесшумной тенью. Настал час охоты. Но теперь я была жертвой, и результат, обещаемый в случае успешной поимки зверя, мне категорически не нравился.

Опять шагнул из тьмы навстречу мне противник, как будто дверь открыл. Я ринулась навстречу. Отскочила. Сверкнула молния впотьмах, и боль каленой искрой бок ожгла. Сковала судорога лапы, не могу бежать! Упала на асфальт, рыча от злости, неуклюже встала... Так просто не возьмешь меня! Плесень, мерзость и горькая полынь, кружащие рядом, коснуться не посмеют. Зов неожиданно толкнул меня во тьму. И вновь лечу вперед, клыки оскалив, метя в горло. Едва задела – он исчез, слился с туманом, ночью, темнотой... Подлая тварь! Неожиданно он очутился сзади, схватил за шкуру, швырнул о стену дома. Как больно!.. Я скатилась безвольной куклой в круг тусклого света. Не было сил даже шелохнуться. Вставай, борись, волчица!

Он приближается неторопливо, осторожно... Серебро веревки змейкой вьется между рук, тьма дивным шлейфом тянется за ним. Я напряглась пружиной сжатой, отвоевав все силы, что остались.

Вдруг... бесшумно, быстро с крыши скользнул объятый искрами комок. И вот уж двое в яростном объятии сплелись. Звучали странные слова. Шум, гром! Сверкали тусклые белевые огни. Что в городе моем творится? Горячий синий фейерверк рассыпан в небе... Прячась

во тьме, двое двигались быстро – не уследишь. В свете огней блеснуло серебро кинжала. Знакомая форма...

Бежать, бежать, пока они заняты друг другом! Сила вошла в тело острым, до этого недоступным счастьем. Оставив позади скрестивших оружие, я растворилась в тенях знакомых подворотен. Исчезла, ускользнула. Но гадкий пронзительный скрежет сияющих лезвий несея мне вслед.

Домой, домой, домой...

Сидя на корточках за запертой дверью, я судорожно вслушивалась в окружающую тишину. Неприятно осознавать, что тонкая фанера и хлипкий замок *этих* не остановят. Едва не подвывая от охватившего чувства безнадежности, я попыталась вспомнить, каким образом попала в квартиру. Искренне надеюсь, что не навела особой паники и никто не получил сердечный приступ при виде меня.

Ничего не понимаю-у! И не у кого спросить, что хотят от меня эти типы. Можно предположить, что им нужна моя жизнь, а точнее, смерть. Кто они такие? Не знаю, но явно не из Охотящихся. Мною овладел азарт исследователя. Надо только все как следует припомнить. Я закрыла глаза, опершись спиной о дверь, и позволила мыслям коснуться волчицы. Зверь заворочался, не желая вспоминать ощущение некоей неестественности и чуждости происходящего. Затем все вспомнилось. Полынь, качающаяся на ветру, горечь на губах, в воздухе, везде. Тьма – суть и смысл, основа силы.

Не понимаю... Двое темных, которые не могут поделить одну маленькую меня, – это чересчур. «Именно темных», – пришло подтверждение-вспоминание из самого дальнего уголка разума. Не люди – другие существа, странные, опасные, полные незнакомой силы. От одного из них отчетливо доносился запах гнили и падали. Надо отсюда уходить, но куда?

Раздался звонок.

Я подскочила и нервно отлетела от двери. Если не в ужасе, то в весьма близком к нему состоянии, наткнулась на противоположную стену и сшибла вешалку. Зашипев от боли, мгновенно меня отрезвившей, я истерично хихикнула. Кто бы это ни был, но явно не темные – они и церемониться бы не стали, да и дверь их не остановит. Вдох, выдох... Натянув на лицо доброжелательную улыбку, больше похожую на оскал, я открыла дверь.

Точно, соседка. Не та, с которой мы знатно поскандалили недавно, а другая. Ее навязчивая доброжелательность всегда вызывала у меня недоумение вперемешку с тошнотой. И сейчас эта особа объявилась более чем некстати.

– Здравствуй, Леночка. Ты ничего странного не слышала? – Соседка, подтянутая дама лет пятидесяти, строго глянула на меня через стеклышки старомодных очков, по-совиному моргая.

Ага, и слышала, и видела, и даже участие принимала.

– Не считая грохота от упавшей вешалки – ничего, – не покривив душой, заявила я, опуская взгляд и мимоходом оглядывая себя. К счастью, одета, а то был бы номер.

– Ну-ну... А вот Верочка из второго подъезда совсем недавно видела огромную серую собаку у дома, и та ее чуть не покусала.

– Кто кого чуть не покусал? – вежливо осведомилась я.

– Собака – Верочку.

– Скорее это была не собака, а белая горячка... И нет, ничего похожего не видела, – продемонстрировав зубы в вымученной улыбке, сказала я.

Соседке мой ответ не понравился, тем не менее она не стала продолжать расспросы, а отправилась к себе, заметив напоследок:

– Будь осторожнее, милочка.

– Учту ваши пожелания, Катерина Сергеевна, – буркнула я, закрывая дверь, и чихнула, пытаюсь отогнать навязчивый фиалковый аромат, витающий на площадке.

Вот люди – собаку от волка отличить не могут. А Верку действительно стоило покусать. Идиотка.

Меня здорово штормило, а чувства скакали от страха и паники к азарту – и обратно. Так недолго и с ума сойти. Достаточно на минутку потерять контроль, и все.

Я вошла в комнату и едва не выскочила оттуда в глубоком шоке. Что я там подумала совсем недавно? Что церемониться не будут? Вот-вот. Он сидел в моем любимом единственном кресле, спокойно, по-хозяйски закинув ногу на ногу, и наблюдал за мной с отстраненной полуулыбкой. Вокруг него витали тени, делая фигуру немного расплывчатой. Подавив паническое желание завопить и броситься на улицу, я замерла, пытаюсь проанализировать ощущения. Бежать некуда, да и поздно. Вдохнув, я вгляделась в темноту, которая не была для меня преградой. Он казался очень обыкновенным, этот высокий и бледный почти человек. И пространство вокруг него было наполнено запахом горькой полыни, ароматом ночи и силы.

Где-то с минуту мы молча рассматривали друг друга. Я нервно сглотнула. Ой-ой-ой, что будет?

– Хорошо бегаешь, волчица, – спокойно заметил незванный гость. – Но понимаешь ли ты, насколько тебе не повезло?

Да уж догадываюсь. Какой-то у него безликий голос, словно серое, затянутое сплошной осенней пеленой небо. Я успела заметить смазанное стремительное движение, и вот он совсем близко от меня, придерживает прохладной рукой мой подбородок, не давая отвести взгляд, и смотрит. Черные глаза, в темных колодцах которых я беспомощно барахталась, затягивали и лишали воли. С трудом ворочая одеревеневшим языком, я просипела:

– Скорее повезло не встретить никого из вас раньше.

– Возможно, – безэмоционально заметил темный. – Но ты – единственная Охотящаяся в этом городе.

К чему все это? Непонятно. Но робкой гостьей в сознание толкнулась настороженная волчица, опознавшая чужака как Пьющего кровь. Вывернуться из цепких пальцев не получилось, отвести взгляд – тоже, а покориться не желала бунтующая за гранью сознания хищница. Черное на черном – невозможно ничего различить, но я увидела, как его зрачки резко расширились. Окативший с ног до головы холод вынес из моей головы последние мысли, а в висках заломило.

– А соседка у тебя непростая, – вдруг прошептал мне на ухо Пьющий кровь, почему-то кивнув на стену, и приказал: – Собирайся.

– Но...

– Живо!

Я злобно зашипела. Слов не было.

И мы пошли. Сквозь город. Незнакомец, шагнув из квартиры прямо на улицу, быстро тащил меня, крепко держа за запястье, сливаясь с ночью, шагая из одного осколка тьмы в другой. В искаженном мире мелькали отражения домов и дорог, тени которых служили моему проводнику тропой и сокращали путь до логова.

У каждого уважающего себя хищника должно быть логово. Для Пьющего кровь таким оказался – ха! – номер «люкс» нашей единственной приличной гостиницы, облезлый фасад которой давно не соответствовал названию «Лазурная». Гостиница располагалась в самом центре города, рядом с мэрией, главным управлением внутренних дел и кладбищем. Когда-то она называлась «Советской», но в разгар перестройки была переименована.

Волчица бурно протестовала против нахождения в полутемном помещении, пропахшем странными, забивающими обоняние благовониями. Но выбора не было. Да и кто у нас

тут хозяин?.. До сего момента противный тип весьма сурово обрывал мои попытки что-либо сказать или спросить. Он упорно тащил меня вперед, едва не выдергивая при этом руку. К концу недолгого пути я пребывала в состоянии, близком к взрыву, и не преминула бы попытаться выбить из незнакомца ответы, несмотря на очевидную опасность.

– Ну а теперь... – начала я, потирая руку, но, мельком оглядевшись, удержала воинственный настрой и хихикнула: – А где же гроб?

Напряжение, клубами витавшее в воздухе, начало рассеиваться, и я поняла, что Пьющий кровь расслабился и откровенно забавляется ситуацией. И что тут смешного?

– Много ты об этом знаешь, – фыркнул он. – Садись.

Я присела на стоящий посреди комнаты стул, а наглый тип расположился напротив... в мягком удобном кресле. И где справедливость? Я гордо выпрямила спину, заложила ногу за ногу и сцепила руки на колене.

– Не могли бы вы объяснить, что все это значит? – Под конец фразы в моем голосе появились необычные гулкие тона.

Будто не слыша меня, незнакомец сказал:

– Впервые сталкиваюсь с такой ситуацией. – И задумчиво продолжил свою мысль, обратив невыразительное лицо к занавешенному окну: – Единственный на весь город охотник – полукровка, да еще необученная.

– Да, мы такие, – приосанилась я.

– И что с тобой делать? – неодобрительно глядя на меня, задал риторический вопрос мужчина.

Судя по всему, он-то знал, что собирается со мной делать. А вот понравится ли данный вариант мне?.. Сомневаюсь.

– Будем работать с тем, что есть. – Он встал и глянул в мою сторону. – Расслабься, позволь своему разуму отвлечься, мыслям – течь вольно... Я, Павел, из рода Пьющих кровь, одинокий охотник, зываю к тебе, Тьма...

Его голос убаюкивал, обволакивая сознание и погружая в пелену, кружащуюся перед глазами призрачным водоворотом.

Мы падаем, падаем вниз вместе с волчицей...

«И что с тобой делать, необученная ты наша?» – Павел, расчетливо прищурившись, смотрел на обмякшую в трансе девушку. Неопытная, сырая, давно пребывающая на грани между просто безумием и безумием окончательным.

Из нее только крючок и получится. Разделение, что ли, провести? Неграмотность в простейших вопросах может такую шутку сыграть, что небо заплачет. Павел коснулся кончиками пальцев висков охотницы, немного удивляясь ее мечтательной улыбке, и поставил на девушке личную метку, не заметную ни для кого, кроме членов семьи, которой, впрочем, давно нет... Привычно отбросив ненужные мысли, он сосредоточился, формируя пакет необходимой информации, и проникнул в раздвоенное сознание. Удивительно: одна половинка, неистребимо человеческая, осторожно отпрянула в глубину, уворачиваясь от мысленного посыла, а волчица, торжествуя взыв и злобно скалясь, кинулась на щиты.

Чокнутая. Теперь понятно, почему полукровки долго не живут.

Родовая память охотницы содержала множество знаний, но для второй ипостаси они оказались почти недоступны – разве что на уровне инстинктов и догадок. К тому же данные были закодированы ключом высших. Странно. Но все же, ловко схватив ускользающий фантомный силуэт серой, Павел втиснул в ее сознание заготовленную информацию. Вот только не зря ли он это сделал? Ладно, время покажет.

– Проснись. – Из марева кошмара меня вырвало мягкое прикосновение к щеке.

– Что?! – Резко вскочив, я тряхнула головой, пытаюсь изгнать чужое присутствие. – У-у-у... мать... Зачем?

А он стоял рядом, такой высокий, спокойный, довольный. Ненавижу. Чужое присутствие в голове – это противно... Брр!

– Сядь и сосредоточься, – потребовал Павел. – Я кое-что вложил в твой... хм... разум, просмотри. Нет времени на объяснения. Чуть позже я скажу, что потребуется лично от тебя.

Я обескураженно рухнула обратно на стул, а темный куда-то вышел. Внезапно поняв, что откуда-то из глубин разума в ответ на мои сумбурные размышления начали всплывать чужие мысли, я погрузилась в вихрь новой информации. Это было захватывающе.

Но лучше бы мне остаться в счастливом неведении относительно происходящего и прожить спокойно хотя бы последние отпущенные мне дни. И не сидела бы я сейчас в мрачных раздумьях, а, обуреваемая охотничьим инстинктом, недоуменно носилась бы по городу, высунув язык. Н-да... непонятно, что хуже. Как, однако, несправедлив этот лучший из миров. Тем не менее вампир загрузил меня далеко не обнадеживающими сведениями по самую макушку, заодно изрядно пополнив мой словарный запас старомодными ругательствами.

Итак...

Кроме людей, раздражающих своим невероятным количеством, в этом мире живут и другие виды разумных существ. Немногочисленные, но могущественные популяции, условно делящиеся на светлые и темные, по любимому времени суток и предпочтениям в силе. Вот ведь удивили!

Я – темная полукровка из рода Охотящихся в ночи, ходячая шизофрения, в качестве папочки фигурирует неизвестный высший... Это как, интересно? Есть еще Пьющие кровь, Танцующие в лунном свете, Знающие, Слушающие мир, Одержимые истиной и прочие. Много их, короче говоря.

Роды делятся на кланы, кланы – на семьи, главы которых поддерживают внутри своих образований диктаторские порядки. Семьи между собой не дружат, но и открытой вражды не проявляют, предпочитая сражаться за сферы влияния исподтишка. А вот роды порой воюют между собой, почти не скрываясь. Светлые с темными, Поющие с Пьющими кровь, Танцующие с Одержимыми. Громы и молнии, потопа и засухи, катастрофы и убийства – вот инструмент их борьбы.

А еще есть династии – старинные человеческие семьи, члены которых обладают необычными способностями, магией и силой. Они легко подчиняют себе пронизывающую мир энергию и считают себя хозяевами всех измерений.

Притом и те и другие стараются не попадать в сферу активного интереса обычных людей. Как они вообще умудряются не нарушать первое правило маскарада – не привлекать к себе внимание? «Про инквизицию забыли, – мелькнула чужая ироничная мысль. – Напомнить, что ли?» При такой жизни неудивительно, что появляются нарушители правил маскарада, и их деяния становятся источниками кровавых легенд прошлого и загадочных оперативных сводок настоящего. И тогда зовут одиноких охотников. Особенно если семья или клан не могут справиться своими силами.

Конкретный пример? Да пожалуйста. Наисвежайший.

Светлар из семьи Ордони клана Сватараф из рода Пьющих кровь почувствовал приближение времени своего ухода. Никто не вечен в этом мире, даже высший вампир. Он не захотел уходить. Его можно понять – кто же хочет? Светлар скрылся, затаился и в старинных манускриптах нашел действенный, но запретный способ обмануть судьбу.

Ритуал Поворота, сутью которого является насильственная коррекция реальности до такой степени, когда совершающий его сможет продлить свое существование на неопределенный срок. Высшему оставалось преодолеть последний рубеж, но он загнал себя в

ловушку, выбрав этот город. Для свершения требуется, помимо всякой специфической мути, шесть жертв, с которыми надо разделаться в период от новолуния до полнолуния. Человек, Танцующий, Одержимый, Слушающий, Знающий, Охотящийся. Именно в таком порядке, и прерывать ритуал нельзя, ибо последствия могут быть непредсказуемыми.

Наудачу в городе оказалась только одна Охотящаяся – я. И ни у кого нет выбора, ни у меня, ни у Павла, ни у Светлара – магический треугольник, только не любовный, а смертельный. Я – последняя жертва, подсадная утка, наживка на крючке, главное – суметь вовремя подсесть. Именно в момент завершения ритуала, но до того, как произойдет изменение реальности.

– Вижу, объяснять ничего не надо? – тихо подошел ко мне Павел.

– Надо, надо. – Встав, я потянулась до хруста в костях. – Неужели нельзя поймать его просто так? Прочесать город, найти и уничтожить?

– Он хорошо прячется, – покачал головой охотник. – А с началом совершения ритуала становится практически неуязвим. Да и прерывать его нельзя. Слишком рискованно. Относительно безопасный способ – взять его над пентаграммой, когда он будет поглощать чужую силу и снимать щиты.

– Меня что, будут резать?! – возмущенно завопила я, приблизившись почти вплотную к Павлу.

– Потерпишь, если не хочешь умереть здесь и сейчас.

– Это как?

– Вторым способом прервать ритуал в данном случае – уничтожить намеченную жертву. Разрушения будут большие, но мир уцелеет, – холодно отчеканил вампир, отодвигая меня в сторону.

Что-то не хочется ни того ни другого... А не дать ли деру? От пронзительного взгляда Павла мой настрой не укрылся.

– Даже не пытайся, – холодно предупредил он. – На тебе метка.

Почему-то мне совсем не хотелось узнавать, какую власть она надо мной имеет. Отступив, я согласилась поработать наживкой. Вот что значит – не везет!

Инструкции были краткими:

– Эту ночь проведешь здесь, день – тоже. Вечером выйдешь на охоту, как обычно, позволишь себя поймать и сделать с собой все, что должно. Остальное – моя забота.

Я только кивала, разглядывая своего нового хозяина. Высокий, худощавый и не слишком красивый, но до дрожи опасный. Глаза черные, лицо с резкими чертами, узкое, какое-то ястребиное, кожа бледная, и поэтому короткие каштановые волосы кажутся очень темными. Голос невыразительный.

– Ты неплохо себя контролируешь, так что проследи, чтобы волчица не атаковала, а убегала. И если выживешь, то с ума не сойдешь, как иные полукровки. Может быть, – рассеянно закончил разговор Павел, крутя пальцами тонкую ножку бокала с непонятным содержанием. Я втянула носом воздух. Нет, не кровь. Томатный сок.

Это заявление должно меня взбодрить? Особенно не очень добродушное «может быть». Передать не могу, как я рада!

– Так, вроде все, – задумчиво поднялся с кресла вампир, душераздирающе зевнув.

Хм, клыки не хуже волчьих, одна пара. Но мои – лучше. Мне явно есть чем гордиться.

Пока я предавалась гордыне, Павел запер входную дверь, повесил на ручку табличку «Не беспокоить!», добавил какое-то заклинание и, приказав его не тревожить, скрылся в спальне.

– Эй, а поесть?!

– В холодильнике, – донеслось из-за двери.

– Та-ак, ну и где же здесь находится этот агрегат? – пробормотала я, начав обследование своего последнего пристанища.

Двухкомнатный «люкс», да. Большое окно, занавешенное плотными цветастыми шторами. Напротив него входная дверь, справа спальня, слева ванная. Диван в синий цветочек, кресло, шкаф, стул, тумбочка, часы...

Пять утра, однако, ночь-то кончилась! Быстро все, однако, произошло.

Я откинула потертый ковер и увидела в углу начерченную углем пентаграмму. Во всяком случае, это была пятиугольная фигура, в каждой из вершин которой стояли оплывшие темно-красные свечи. В центре – странные узоры и куча благовонных палочек, медленно тлеющих в полутьме. Я чихнула. Вонь, а не благовония!

Вверху люстра, в одном из углов – ночник. Где же холодильник? Живот забурчал, выражая недовольство. Догадались, где спрятался холодильник? В шкафу! Который оказался буфетом с встроенной холодильной камерой.

Павел был доволен и разочарован одновременно. Найдена последняя жертва, и даже метка на нее поставлена на редкость удачно. Незаметная, еле различимая, но крепкая. Зато изгой в курсе, что по его душу прибыл одинокий охотник, собравший в себе огромную силу и далеко не безопасный даже со снятыми щитами.

Если эта полукровка выживет, придется взять ее с собой. Личные метки находятся очень глубоко, чтобы оставаться незаметными до самого последнего момента, и не снимаются. Эту связь уже не порвешь.

Но все эти вопросы можно решить потом. Первым делом – работа.

Чем бы таким заняться? Целый день взаперти! Кошмар! А вот о следующей ночи лучше не думать...

За окном определенно рассвело. Осторожно отодвинув занавеску, я убедилась, что наступает новый день, который обещает быть ничуть не лучше вчерашнего. Мерзкая погода, мелкий морозящий дождик, духота и низкие серые тучи. Последний день моей жизни – а я так и не увижу солнышко. Жаль! Тщательно задернув занавеску, – кто знает, какие у моего соседа отношения с дневным светилом, – я прокралась к входной двери и взялась за ручку. Ой! Острые холодные иглы – заклинания? – предупреждающе кольнули в ладонь. Отодвинув занавеску, я с сожалением убедилась, что и на окне стоит незримая преграда. Ненавижу клетки! В результате я разлеглась на диване, обложившись всем съестным, что только нашла в холодильнике, и стала размышлять.

А этот Пьющий кровь очень даже ничего. Мощная аура силы позволит не потерять его даже в многолюдной толпе. Он не в моем вкусе. Кажется, я повторяюсь? Хм, подозрительный симптом.

Почему в голову лезут такие высокопарные мысли? Подумаешь, Пьющий кровь. Вампир – он вампир и есть. Или оборотень, что одно и то же. Все эти романтические названия придуманы, чтобы облагородить наши темные инстинкты, придать им флер таинственности, приукрасить бытие кровожадных, злобных тварей, которыми мы, в сущности, и являемся. А если на моем счету нет ни одной жизни, то это лишь потому, что я еще очень молодая Охотящаяся. Все у меня впереди... было.

Да, грустно. И прямо-таки мучительно больно за бесцельно потраченное время. И ведь ни единого достойного случая не подворачивалось! В этом городе я и так была хозяйкой. Все местные шавки знали свое место, а у людей просто рука не поднималась причинить мне вред. От страха, наверное. Только я, будучи девушкой здравомыслящей, не злоупотребляла своей способностью наводить ужас. Потому что у людей помимо прочего есть характерная черта, в ряде случаев позволяющая пересилить страх и ненависть: страсть к исследованию и

познанию нового. Обязательно бы ведь нашелся вивисектор со связями, который не пожалел бы ни времени, ни денег, чтобы попытаться заполучить редкий экземпляр животного мира. И пропали бы мы с волчицей в недрах какой-нибудь лаборатории. Мне всегда было жалко собаку Павлова.

Когда же все это закончится? И, главное, чем? И что я могу предпринять? Разве только помолиться, да не положено.

Интересно, как этот темный меня сюда затащил? Мы двигались быстро в темном густом тумане, будто размазываясь по реальности, и преодолели расстояние от моего дома до логова за пару минут. Скользили из тени в тень, и силуэты домов, деревьев и фонарей казались призрачными и чужими. И горький запах полыни... Ну да все равно я это не выясню.

Кстати, а что именно не так с моей соседкой по площадке, дамой, приятно пахнущей фиалками? Тоже занятный вопрос.

Вот так лежала я на диване, ела конфеты и вспоминала свою недолгую двадцатилетнюю жизнь, загубленную, можно сказать, на корню. Печально, что она не была насыщенной. Единственное выдающееся событие – всплывшая неизвестно откуда квартирка, где я проживала, да и ту пришлось бросить! Старый бомж, напуганный мною до сердечного приступа совершенно ненамеренно, не в счет. Как-то раз зимой мне пришлось обернуться на улице, и, спрятавшись за помойными баками, я невольно устроила ему бесплатный стриптиз и продемонстрировала леденящий душу триллер. Пришлось вызвать старику «скорую». Между прочим, он выжил, завязал с выпивкой и устроился на работу ночным сторожем. Шоковая терапия удалась.

И кого, скажите, волнует мое пустопорожнее нытье?..

Незаметно я провалилась в дрему и увидела сон, по содержанию еще более мерзостный, чем те, что снились обычно.

Проснувшись, не поверите, от пинка, мощного такого, увесистого. Гад! Подскочив спросонок, я рыкнула, кинувшись на этого футболиста. Вампир проворно отскочил, а я, не удержавшись, упала с дивана. Встав, огляделась по сторонам. О, какая куча фантиков! Кто все это съел?

Павел осторожно отодвинул занавеску, выглянул в окно и удовлетворенно кивнул. Небо очистилось, и заходящее солнце вызолотило сумрак комнаты. Луч упал прямо на лицо моего нового знакомого. Тот недовольно поморщился, но не отошел, продолжая всматриваться во что-то, видное только ему.

Э, света не боится? Обидно! «Да, не бояться и кровь не пьют – высшие, по крайней мере, – выскочила новая мысль. – Особенно если сытые. Вот низшие...» Я мотнула головой – потом.

– Самое время! Чего стоишь? – обратился ко мне подозрительно довольный охотник. – Оборачивайся!

– Ага, щаз, – угрюмо буркнула я и побрела в ванную. Вампир последовал за мной.

Что-то меня мутит, да и умирать неохота.

Павел поморщился. А я расслабилась, глядя в зеркало. Закрыв глаза, обреченно ткнулась лбом в холодное стекло. Вчера ночью это произошло легко и быстро под воздействием спонтанного выброса адреналина, а сейчас... Выпустить волчицу добровольно, ослабив тиски разума, оказалось непривычно сложно.

А-ах-х!

Желтоглазая волчица исподлобья глядит на Пьющего кровь. Изменение – сугубо интимное действо, и всякие там вампиры не имеют права подглядывать. Зло рыкнув, я проскользнула в комнату и беспокойно закружила вокруг гексаграммы. Внутри уже горели свечи и мерцал столб густой непроницаемой тьмы, упирающийся в потолок. Из этого сгустка

тянуло сыростью. Охотник бесцеремонно схватил меня за шкурку, шагнул внутрь, и его сильная рука отправила нас обоих в полет.

Снова запах полыни, чтоб ее!

«Временный портал Пьющих кровь», – некстати всплыло в памяти, пока мимо стремительно проносились искаженные силуэты домов. Резко вынырнув посреди города, я едва успела затормозить,

«Иди, волчица, охоться!» – раздалось вдруг в мозгу. Хищница ошалело тряхнула головой.

«Дай себя поймать!» – Холодное прикосновение испугало, и желание куда-то идти резко пропало.

«Ну же!»

Скользя вдоль забора, я скрылась в кустах и принялась. Никого нет. Солнце зашло, но город еще не спит, и множество чужих глаз следят за происходящим. Хватило бы и пары.

Скольжу, лечу, стелюсь над землей серой тенью, ищу. Чего? Не знает никто. Нет, не верю, что это мой последний день и последняя охота. Тьма, что ты хочешь от меня? В груди сидит холодный ком – противное ощущение. Ну что же, по обычному маршруту? Последний раз обойду уголья, кружа от края к центру.

Старый забытый сад, церковь, в глубине серебряных окон которой мерцают огни. От истинно святой земли поднимается волна столь сладкой и чистой силы, что хочется здесь остаться. Однако сумерки и тьма не вольны подружиться со светом истинной веры. Но аромат лилий, нежный и невинный, я запомню. Свет вдруг мигнул, затрепетал, погас... И вновь засиял, словно благословляя. Хороший знак.

Тень скользит дальше.

В небе – полная луна, моя подруга и спутница, обещающая покой, но ее обещания лживы. Между домами клубится тьма, перекрывая путь. Волчица отпрянула назад. «Вперед», – сказала я. «Вперед!» – подхлестывает яростный шепот изнутри. Я пячусь, это выше моих сил – нырнуть туда, во тьму и смерть. Но все решилось без нас.

Тот, за стеной, звал и манил. Как осьминог, выпускал жадные щупальца за спину волчице. Она медленно, шаг за шагом, против воли приближалась к зовущей смерти. Я оглянулась. Волчица взвыла и рванулась назад, в закрывающуюся брешь.

«Не смей!» – прозвучало откровенно злое приказание, секундным параличом сбившее с ног. Пропустив рывок тьмы, я забилась в ее тенетах, когда удушающее кольцо сомкнулось на шее.

Боль в висках была неожиданно резкой и оглушающей.

Оборот. Мягкое и беспомощное человеческое существо затрепыхалось, когда крючья тьмы впились в кожу. Медленно, с садистским наслаждением нечто поглощало мой разум, внимательно наблюдая за каждой судорогой постепенно перестающего подчиняться мне тела. В саване тлена было невозможно дышать. Сначала онемели кончики пальцев, затем тонкие иглы боли расплзлись по рукам. Липкие щупальца проникали под кожу, в горло, глаза...

«Расслабься...» – почувствовала я только мне слышный шепот.

Как?!

Сознание покидать меня не спешило. Добавилось ощущение ползающих под кожей жучков-короедов, время от времени откусывающих по кусочку от моих внутренностей. Боль исчезла, оцепенение полностью овладело мною. А вокруг тьма – живая. Сколько это длилось? Минуту, час, день? Не знаю. Некто, изучив каждый сантиметр моего тела изнутри и снаружи, удовлетворенно отпрянул, как хищник, напившийся крови.

Темнота...

Слабость, кружится голова, и черное, усыпанное звездами небо качается, словно качели... Небо?!

Я лежу на земле, и голые лопатки холодит исходящий откуда-то снизу промозглый туман. Не могу пошевелиться, потому что распластана и намертво зафиксирована в колдовской звезде – той самой. Скопив глаза, замечаю колыхающиеся красно-оранжевые огоньки, быстро наливающиеся синим сиянием. В голове отвратительно пусто.

Мерцание огней высвечивало стоящего надо мною: узкое изможденное лицо с темными провалами на месте глаз, кривящийся в клыкастом подобии улыбки рот, скрюченные артритом руки, зажавшие короткий кинжал... Вот он, нарушитель! Паника все усиливалась... Где же Павел?

От холода и страха я постепенно покрывалась мурашками. Где же охотник?!

Изгой наклонился, аккуратно надрезал мои запястья и начал гортанный речитатив. Боли не было, только леденящий холод начал растекаться по неподвижному телу от кончиков пальцев внутрь, концентрируясь в районе солнечного сплетения.

Охотник...

Мысли затухали и гасли одна за другой. С отстраненным любопытством я наблюдала, как беснуется в глубине сознания волчица. Как покидает меня животворящая жидкость, медленно впитываясь в землю.

Порезы на запястьях начали светиться, и маленькие синие огоньки торопливо побежали по рукам вверх, скапливаясь на груди. А изгой все говорил и говорил непонятные слова, полные зловещих интонаций, постепенно повышая голос до крика.

Не хочу!!! Как холодно...

Звезды погасли, а луна налилась темно-багровым сиянием. Небо заволакивало полупрозрачной мерцающей дымкой, медленно образующей гигантскую воронку. Нож, прекрасный в своем мрачном совершенстве, плавно взмыл вверх, блеснул отточенной алой кромкой и начал опускаться... Медленно, очень медленно.

Время замерло. Но волчица очнулась, вздрогнула и заставила меня рвануться вперед и попытаться освободить руки. Не ощутив сопротивления оков разума, она взвыла и напряглась, подчиняя себе тело, изменяя его невероятным напряжением сил. Но не успела. Нож вошел в солнечное сплетение мягко, почти нежно...

Всепоглощающая темнота.

Вот он, единственно подходящий момент. Изгой резко выдернул нож из приманки и раскинул руки, готовясь к завершающей стадии ритуала. Багровая воронка на месте луны вращается по часовой стрелке, выбрасывая вниз голодные щупальца.

Выскользнув из укрывавшей его до сей поры тени, охотник сразу же понял, что изгой невероятно силен, но уязвим, как и всякий младенец. Накинув щиты, Павел активировал «молнию» и рванулся вперед, входя в клинч. Удар, еще удар. Чистая сырая сила, которой наполнен изгой, продавливая защиту, но это неважно, потому что в ход пошло грубое физическое воздействие. Вывернуть руку противника и начать неторопливо, но неуклонно приближать острие ножа к телу, не давая шевельнуться.

Мир сузился до маленького пятка земли, до глаз, пылающих яростью и отраженным в них безумием. Бушующий в оковах водоворот начал раскручиваться в другую сторону. Под ударами чужого разума сознание поплыло, но это не имело значения. Ведомый инстинктами, он делал необходимое, ни на что не обращая внимания.

Держать щиты! Рывок! Нож по рукоятке вошел в живот своего хозяина. Огни, нетерпеливо танцующие на теле волчицы, на миг ослепительно вспыхнули и погасли.

В небе гулко гроыхнуло. Поднялся ветер.

Охотник выпустил изгоя и торопливо отскочил подальше от пентаграммы. Из горла нарушителя вырвался хриплый отчаянный крик, переходящий в утробный вой. Раскинув руки и задрав голову к воронке, он еще пытался что-то сделать, но безжалостные щупальца стремительно рванулись ему навстречу, обвинили посмевшегося нарушить их покой и безжалостно выпили из него все соки, взямая зловещую дань за неудачную попытку изменить мир.

Тело изгоя превратилось в обтянутую пергаментом мумию, которая несколько секунд спустя стремительно осыпалась тысячелетним прахом. С довольным чавканьем щупальца тьмы втянулись в сворачивающуюся воронку. Последнее из них мимоходом задело распятую в пентаграмме фигуру. Она выгнулась и захрипела, а огоньки, мечущиеся над ней, поззелели и быстро впитались в тело.

Что бы это значило? Тишина.

Рассвет нового дня был прекрасен. Мир устоял, и город, полный надежды, вздохнул облегченно и радостно. Тучи разошлись, открывая бесконечное лазурное пространство, подсвеченное лучами восходящего солнца.

Интерлюдия первая

История Василисы

Вы хотите знать, как я стала вампиром? Вы совершенно точно хотите это знать? Но зачем вам это? Ах, для книги... Ну что ж, я расскажу. Только давайте условимся о нескольких вещах. Мы – не вампиры, а Пьющие кровь. И уберите, наконец, чеснок. Меня это раздражает. Могу сообщить, кстати, что даже на нас, низших, чеснок не действует так, как это описывается в некоторых трактатах... И не пугайтесь, я не голодна.

Звали меня Василисой, да и сейчас так зовут, имя это мне нравится. А вот фамилией я была недовольна. Тяжело жить, имея в паспорте запись – Прекрасная, к тому же вполне ей соответствующая. Сейчас, к счастью, это уже не так. И внешность у меня не столь вызывающе яркая, и фамилия другая. Теперь я принадлежу роду Пьющих кровь, как низшая и обращенная.

Мне было двадцать пять лет, когда я познакомилась с Шейлом, урожденным низшим из семьи Веран, принадлежащей к роду Пьющих кровь. Была зима, теплая и слякотная. Поздним вечером я возвращалась домой с дня рождения подруги. Иду, значит, никого не трогаю, вдоль улицы, прекрасно освещенной фонарями и рекламным огнями, не обращая внимания на тех, кто обращает внимание на меня. Уже почти дошла, свернула в переулок, чтобы сократить путь, и тут дорогу мне заступили три амбала в экзотичных одеяниях.

– Красавица... – расплылись они в щербатых улыбках.

– Что вам надо? – Я даже не испугалась, скорее рассердилась.

– Не «что», а «кто»! Ты, красавица!

Яркая внешность всегда доставляла мне неприятности. В школе не давали прохода сопливые поклонники, в академии – преподаватели, а на работе – работодатели и клиенты. Завидовали черной завистью подруги и сотрудницы, быстро переходящие в категорию врагинь. Высокой стройной натуральной блондинке с голубыми глазами и нежной персиковой кожей тяжело жить на свете, особенно если она не собирается становиться моделью или любовницей какого-нибудь олигарха.

И вот опять!

Резко развернувшись на каблуках, я бросилась было назад, но эти типы в один прыжок догнали меня и повалили на грязный снег. Вот тут я по-настоящему испугалась и заорала, но осеклась, захлебнувшись холодным воздухом, когда один из них зажал мне рот.

Укусила за ладонь – ноль реакции. Только деловито потрошивший сумку гад обернулся и сказал:

– Смелая... хм... Верд, ты первый.

Представьте, каково было мое удивление, когда вместо того, чтобы заняться со мной тем, чем трое предпочитают заниматься с симпатичной девушкой в темной подворотне, этот тип оскалил клыки, при виде которых мне конкретно поплохело... Когда шея заныла, перед глазами все поплыло, а в ушах многообещающе зашумело, где-то почти в небесах раздался насмешливый голос. Божественный глас спасения:

– Та-ак, пижоны, а ну-ка, отошли от девушки.

Мазохист во мне восхитился точности этого определения, ведь все трое были одеты в черные кожаные плащи и белые ботинки, в чем я успела убедиться, получив тем самым белым ботинком по ребрам.

В следующую секунду прижимавший меня к земле тип стремительно вознесся вверх, врезался в стену, да так и остался на ней висеть. За ним же отправились и остальные. Покосившись на неожиданного спасителя, я обнаружила, что внешне он мало соответствует своим недавним действиям. Мужчина среднего роста, худощавый, в легкой куртке и с длинными темными волосами. Мне вдруг стало завидно. «Отличная прическа, явно из дорогого салона». – И с этой странной, совершенно неуместной мыслью я начала медленно уплывать в синие дали. Голоса звучали глухо, будто через толстый слой ваты.

– Вы в курсе, господа, что это охотничьи уголья семьи Веран? – сурово спросил спаситель.

– Га-ад, – простонал один.

– Низший! – презрительно бросил второй.

Третий промолчал.

– Ай-ай-ай, придется принять меры...

– Что ты нам можешь сделать? – насмешливо поинтересовался один из «пижонов».

– Много чего, – нехорошим ласковым тоном сказал темноволосый.

А пару мгновений спустя все трое нападавших, распластанные по стене подобно мухам, бессильными кулями осели на снег.

Надо мной склонилось озабоченное клыкастое лицо со светящимися зелеными глазами:

– Мы же никому ничего не расскажем?

«Угу, точно не расскажем, потому что сейчас помрем», – подумала я и провалилась в темноту.

Очнулась я в вампирском логове. Это оказалась обычная квартира в типовой высотке, правда, довольно просторная. Мебели немного, но вся явно дорогая. Я лежала на диване, и мысли мои крутились вокруг количества выпитого, глюков и белой горячки. О чем еще можно было думать?

Между тем чувствовала я себя весьма неплохо, ничего не болело, одежда была в полном порядке. Потому я встала, огляделась, убедилась в том, что место абсолютно незнакомое, и отправилась на кухню, где обнаружила хозяина апартаментов, распивающего некую красную жидкость. Искренне надеюсь, что это не кровь. Он предложил присесть, выпить вина и просветил насчет сложившихся обстоятельств. Ничего страшного, как оказалось. Меня всего-навсего покусал обнаглевший высший из рода Пьющих кровь, все трое зачинщиков покушения будут наказаны. Каким способом – не моего ума дело. Последствий укуса, о которых так красочно пишут в книгах, не ожидается. Даже странно. Но я не расстроилась. И жизни моей тоже ничто не угрожает при условии соблюдения тайны. Разумеется, я закрепила клыкастого в своей полнейшей лояльности. А вы бы на моем месте что сказали? Мамою бы клялись, наверное.

Мне разрешили привести себя в порядок в ванной с джакузи (мечта нового русского сибарита: серебристый кафель, сияющий фарфор и полотенца из бамбуковых нитей), а затем пригласили, причем весьма настойчиво, на ужин через пару дней. Я довольно надолго впала в ступор, пытаясь решить, будут ли меня кормить или я стану пищей, но в итоге согласилась. И не пожалела! Ведь этот клыкастый был очень симпатичный, как раз в моем вкусе.

Вот так я познакомилась с миром маскарада. Хотя утром, проснувшись в собственной квартире, куда меня в целостности и сохранности доставил новый знакомый, я поверила в реальность произошедшего, только увидев крохотный шрамик на шее.

Шейл возил меня в рестораны, соблазнял по полной программе, и я никак не могла понять, чего же он хочет. Помимо сами знаете чего. Театры и концертные залы были обязательными пунктами ежевечерних свиданий. Мы посещали первоклассные ночные клубы, а порой устраивали романтические прогулки при луне. Не так уж сильно вампиры отличаются от людей в выборе средств достижения желанной цели. Или этот успешно притворялся? До сих пор гадаю. И я сдалась месяца через два, движимая скорее любопытством, чем острой необходимостью в подобном любовнике.

В споре «упорство и опыт против красоты и самоуверенности» победили первые два. К тому же от моего поклонника исходил такой манящий флер опасности, что я не устояла. Только вот наши биоритмы не совпадали. Представьте, подъезжает вечером к банку, где я работаю, Шейл на шикарном «додже», а мне, кроме полноценного сна, больше ничего и не нужно в этой жизни.

Тем не менее он самоотверженно привозил меня домой и укладывал в постельку. Мучимая угрызениями совести, я на следующий день, как правило, собиралась с силами и ехала развлекаться по значным местам вместе со своим возлюбленным. Я не особенно любила клубную жизнь, а потому тихо и скромно сидела в уголке, наблюдая за происходящим и пытаясь вычленив нелюдей, пока Шейл решал свои дела. Справлялся он быстро и остаток ночи посвящал мне. В основном я требовала что-нибудь рассказать. Иногда приходилось изображать поздний ужин перед его знакомыми нелюдями. То бишь притворяться идиоткой, которая не в курсе, куда ее привели и зачем.

Между прочим, в местах скопления народа довольно легко вычислить подобных нам. По внешности, либо особенно неприметной, либо вызывающе яркой и необычной. Шейл постоянно носит иллюзию, и потому чаще всего имеет вид самый обыкновенный. Только на охоту ходит в истинном обличье. Тогда я его и встретила.

Он имеет достаточно высокий статус среди своих соплеменников. Хотя и относится к низшим Пьющим кровь. Парадокс: семья Веран – единственная в столице, глава которой – не высший. Я спрашивала Шейла, по какой причине он со мной общается. Ведь, кроме эстетического отдохновения и секса, он ничего от меня не имеет. Кровь, например, он у меня не брал. Шейл отвечал, ему нужно нормальное общение, прикрытие от охотниц до состоятельного и влиятельного вампира и, самое главное, мое добровольное предложение испить крови. Нужда в живительной жидкости связана с потребностью в определенной энергии, которую можно получить только через кровь. До сих пор весьма смутно представляю себе механику процесса усвоения организмом этой силы. Знаю только, что от добровольной жертвы можно получить куда больше энергии, чем при насильственном изъятии.

Идиллия наша длилась недолго: в один прекрасный летний день банк, где я работала, взорвали конкуренты. Не стали ждать окончательного решения суда по попытке рейдерского захвата здания, сволочи.

У меня было отличное настроение в связи с непредвиденным оплачиваемым отпуском. В шесть часов вечера я, как обычно, вышла из широких дверей, створки за спиной глухо чпокнули. К высокому крыльцу подкатил на пижонском «додже» Шейл. Операторша

из соседнего отдела восхищенно округлила глаза. Да, согласна, красивая машина. И поклонник очень даже ничего. Жизнь прекрасна, что и говорить.

Вдруг сзади раздался грохот, треск, звон... и меня накрыла горячая волна. Я успела только заметить, как вампир резко выскочил из машины и рванулся ко мне... А потом все поглотили темнота и боль...

Я очнулась в белой комнате, лежа на кровати. Во рту пересохло. А двигаться не получалось и, что самое ужасное, не хотелось. Память послушно восстановила последние мгновения перед взрывом. Вяло удивившись тому, что еще жива, я принялась изучать доступное пространство. Стены белые, простыни белые... капельница... какие-то агрегаты – пищат, заразы. Провода тянутся к онемелому беспомощному телу, скрываясь под простынями.

Шейл сидит рядом на стуле. Осунувшийся, мрачный и наверняка голодный. Спит. Солнце он не любит, кстати, но вполне успешно переносит световой день. Мне захотелось кашлянуть. Я попыталась сделать это еле слышно, но Шейл все равно проснулся. Вскочив со стула, он обеспокоенно заглянул мне в глаза и стремительно исчез. Через пару минут вернулся с новыми действующими лицами. Мужчина и женщина – неприметной внешности, но излучающие внутреннюю силу. Не люди, совершенно понятно. Они замерли у двери, а Шейл подошел ближе. И выглядел он подозрительно виноватым. Та-ак... Раз уж мой возлюбленный потрудился продемонстрировать свои эмоции, значит, дело весьма серьезное.

С ужасом осознав, что практически не ощущаю тело, я обратилась в слух.

– Василиса, то, что я хочу сказать, – начал Шейл, – очень важно. Я хотел обратить тебя, но так, чтобы у тебя был выбор, чтобы ты сделала этот шаг добровольно. Скорее добровольно-принудительно, конечно, но заставлять бы не стал. И не торопился, зная, что сейчас ты мне откажешь. И за твой счет намеревался подняться на следующую ступень, к высшим. Есть один ритуал. Если бы ты предложила мне своей крови трижды и испила потом моей, то... – Он замялся.

Все понятно. Я постаралась глазами выразить всю глубину своего негодования. Так я и знала. Точнее, предполагала, что не все так просто в мотивах Шейла.

– Но судьба постаралась за меня. В данную минуту жизнь в тебе поддерживает магия Танцующих и человеческая наука. Однако выбор есть и сейчас. Только стоит острее. Выбор между *другой* жизнью и смертью. Что ты выберешь?

– Другой жизнью? – прохрипела я.

– Среди нас.

Дилемма. Жить хотелось, но страшила неизвестность. Какая это будет жизнь? А решать надо, и побыстрее, судя по встревоженному лицу вампира.

– Сволочь ты, – буркнула я.

– Извини, я бы и сам не хотел, чтобы твой выбор проходил в таких жестких условиях.

– Больно будет?

– Скорее всего, да.

Мог бы и соврать для моего успокоения. Но он никогда мне не врал. Разве что немного недоговаривал.

– Я согласна.

Шейл расслабился и обратился к подпирающим стену гостям:

– Она согласна.

А то они не догадались! Незнакомый мужчина выступил вперед:

– Хорошо, начнем. Кто выступит поручителем?

– Я, Шейл из семьи Веран, выступаю поручителем Василисы при обращении ее из человека в Пьющую кровь.

– Я, Павел, одинокий охотник, согласен инициировать обращение Василисы из чело- века в Пьющую кровь.

Потом Шейл неторопливо приблизился, хладнокровно взрезал себе запястье, и в под- ставленную кювету полилась густая темная кровь. Как много! Ее аккуратно перелили в бутылку и пристроили на штатив капельницы, в мою онемевшую исколотую руку воткнули иглу, и спустя миг густая алая жидкость медленно заскользила вниз по трубочке. Стало очень холодно, будто по венам начал растекаться жидкий лед, потом тело охватил жар.

– Благодарю тебя, Павел, – донеслось до меня сквозь марево.

– Сочтемся позже, – доброжелательно кивнул мужчина. – Кстати, еще далеко не конец, могут быть неприятные побочные эффекты.

Медленно уплывая в темноту и чувствуя, как разгорается внутри болезненный огонь ломки, я услышала хриловатый женский голос:

– Шейл, знаешь, эта девочка правильно тебя оценила. Ведь то, что ты задумал и сотво- рил, – противозаконно.

– Кто бы говорил, госпожа охотница, кто бы говорил.

Вот так я и влилась в ряды нелюдей. Неприятные подробности, связанные с болезнен- ным процессом изменения, описывать не буду.

Получается, с научной точки зрения, кровь Пьющих обладает сильным мутагенным воздействием. Или действует как хищный вирус, ломающий инфицированный организм. Шейл же говорит, что это – сложная магия, но мой возлюбленный – дитя позапрошлого века, я же везде вижу науку, а впечатляющие примеры могущества Карающих не внушают мне доверия. Я вообще никому не верю.

Вы спросите, кем я сейчас работаю? Как и прежде, биржевым аналитиком.

Глава 2

Новая жизнь

Дом был хорош. Двухэтажное строение с верандой из светло-желтого с прозеленью кирпича удивительно ловко пряталось среди старых деревьев осеннего сада. Сливающиеся с листвою стены дышали свежестью и ароматом созревших яблок.

Узкая тропинка затейливо петляла между пышными кустами и толстыми шершавыми стволами, выводя к веранде, наполненной гулкой звонкой пустотой. Тонкие стекла играли яркими разноцветными красками. Прямо от дверей начинался мягкий ковер, серый, с экзотическим ало-пурпурным узором. Две темные дубовые створки вели в большую залу с белыми стенами и чугунной винтовой лестницей, поднимающейся до самого чердака.

Зала модной планировки делилась на зоны по часовой стрелке: от двери начиналась желто-белая кухня, затем – отделанная белой кожей гостиная и далее шла библиотека с высокими, до потолка, дубовыми стеллажами, заставленными царственно выглядящими книгами. Три окна занавешены плотными темно-серыми шторами того же рисунка, что и ковер.

Лестница спиралью вьется на второй этаж, где четыре двери ведут в запретные для меня помещения: кабинет, особую библиотеку и пару запертых гостиных. А еще выше, на чердаке, под высокой покатой крышей расположена просторная комната, где я теперь и живу. Здесь можно было пройтись колесом, да еще оставалось место для большой мягкой кровати и обычного трехстворчатого шкафа.

Первый и второй этажи носят ненавязчивый отпечаток руки мастера изысканного дизайна. Угловые двери с ручками в форме когтистых львиных лап, отполированные мраморные плитки пола в кухонной зоне с вырезанным на каждой из них знаком зодиака, элегантный в своей простоте подлинник древнего японского пейзажа... А мансарда, несмотря на продуманное удобство, была безлика, но я не жалуюсь. В конце концов, после однокомнатной хрущобы это – несказанная роскошь! Даже не сравнить.

Выглянув в открытое окно, я заметила, что кто-то вошел в калитку и принялся неторопливо плутать по дорожкам. Торопливо скатившись вниз и проскакав мячиком по ковро, я выскочила на веранду и в дверях нос к носу столкнулась с чужаком. Отшатнувшись, кинула на гостя настороженный взгляд. Он ответил мне таким же.

В нос ударил густой аромат пармской фиалки. Та-ак, Поющий, да еще и в солнечном свете. Светлый то есть. Дом – я прислушалась – не возражал против его присутствия. По моей личной классификации – альв, герой скандинавского эпоса.

Между прочим, посмотреть было на что! В смысле на меня. Я выжила после памятного ритуала, но изменилась и внутренне и внешне. Окончательно пропала замечательная в своей неприметности внешность, и теперь перед мимохожим альвом стояла среднего роста девушка с пепельными волосами, высокими резкими скулами и раскосыми желтыми глазами с узкими вертикальными зрачками, двумя парами клыков, прячущимися за вежливой улыбкой, и впечатляющим набором когтей на руках.

Высшая из Охотящихся в ночи, господа. Редкая птица.

Я почти неделю провалялась без сознания, после того как меня чуть не зарезал изгой во время проведения ритуала, а щупальце багровой тьмы задело при отдаче. Впрочем, о произошедшем я знаю только со слов Павла. Ему пришлось задержаться в городишке до того момента, пока я вновь обрету способность самостоятельно передвигаться. Оставить все как есть – невозможно. Моя новообетенная внешность не способствовала сохранению маскарада, да и поставленная метка властно требовала возможности быть рядом с хозяином. Брр, противно-то как! У меня – и есть хозяин...

Впрочем, вампир бросил бы меня на произвол судьбы, приглушив или разорвав связь, но он не владел заклинанием «плотных иллюзий» и не мог замаскировать новую оригинальную внешность, обладательницей которой я стала. А это жизненно необходимо для сохранения тайны.

А с какими предосторожностями было сопряжено мое путешествие в Москву! Трое суток на поезде, и так, чтобы никто не видел, длинный плащ, огромные очки, перчатки, причем летом. По-моему, это привлекало куда больше внимания, чем самая феерическая наружность. Чтобы скрыть клыки, приходилось все время молчать. Да еще не обошлось без приключений мистического толка!

И вот теперь я сижу в доме одинокого охотника, ожидая решения насущной проблемы, и зверски скучаю. Еще хотелось бы выяснить, кто мой отец. Потому что скачок на следующий энергетический уровень возможен для подобных мне полукровок, если только один из родителей был высшим. Кроме того, не давали покоя вечные вопросы: что делать и как жить дальше? И, в конце концов, на что существовать?

Павел же, исчезающий почти на рассвете по тайным и наверняка зловещим делам, говорил, что надо беспокоиться последовательно. Вот и сейчас его не было с самого утра, зато появился незваный гость.

Я еще раз прислушалась к опутывающей дом «паутине». Все в порядке. Это посетитель, которому разрешен доступ в любое время на правах гостя. Почувствовав знакомое по общению с вампиром копошение в голове, я сложила мысленную фигу. Поющий поморщился. Да, не очень вежливо, зато действенно. Мгновенно отваживает любителей и умельцев покопаться в чужом разуме.

Широко улыбнувшись, я отступила назад, пропуская альва на веранду, и протянула тоном профессионального дворецкого:

– Входи-ите!

– А где хозяин? – Хм, голос приятный.

– Павел? А нету! – фигурно подняв бровь, тяжело вздохнула я. – Уже полдня, как по очень-очень секретным делам он уехал в город. А я тут голодная сижу.

Клыки непроизвольно клацнули. Поющий улыбнулся краешками губ, явно не собираясь меня кормить.

– Я подожду, – сказал он и уверенно прошел внутрь, точнее, плавно перетек от двери в одно из кресел.

Я невольно залюбовалась чудесной грацией нелюдя. Наверное, это отличительная особенность всех охотников, так же как и запредельная наглость в обращении с окружающими. Или я просто слишком мало их знаю? В смысле не только охотников, но всех *иных* в целом? Людям такая выразительная пластика не свойственна, хотя пренебрежения к миру в них – выше крыши.

Кстати, немаловажная деталь. Внутри я отныне и навеки единое целое. Вы даже и представить себе не можете, насколько это великолепно! Нет больше рвущегося на клочки под напором волчицы сознания. Не надо стискивать разум в попытке удержать контроль над хищницей, нет необходимости внимательно отслеживать каждый шаг и каждое движение, чтобы не спровоцировать ее на оборот.

Теперь есть я – цельное и яркое... хм... существо. Порывистое и не желающее вновь погружаться в омут контролируемого ужаса. В мыслях и действиях свобода и легкость – порой просто необыкновенные. Вы просто представить себе не можете, какое это счастье – быть цельной! Только проживший большую часть жизни в раздвоенном состоянии может меня понять.

Та-ак, коль скоро этот альв собрался помедитировать в кресле, судя по его виду, не буду ему мешать. Да и кушать хочется.

Поющие, надо заметить, очень редко становятся одинокими охотниками. Не потому, что так уж преданы родне, а потому, что их не отпускает семья. Слишком мощной магией они владеют, слишком ценными для анклавов умениями обладают, слишком много тайн знают... Но вот передо мною исключение. Наверное, сирота.

Призвание дневных и ночных Поющих – это стихии огня и льда, подчиняющиеся им беспрекословно, это сумерки знаний, волнующих души, это самые достоверные иллюзии, неотличимые от реальности.

Копаясь в холодильнике, я краем глаза следила за гостем. От косого взгляда легкий флер маскировки незнакомца слетел без остатка. Впрочем, не будь я теперь высшей, фокус вряд ли бы сработал.

Ну и ничего особенного! Невысокий, хрупкого телосложения мужчина с по-зимнему бледной кожей смотрел в неведомую даль ярко-зелеными глазами удлинненно-миндалевидной формы. Внешность дополняли полные, капризные губы и античный нос. Гармонично, но странно. Прикрытые голубоватыми волосами до плеч чуть заостренные уши. Совсем чуточку острые, а вовсе не длиннющие лопухи, как рисуют некоторые художники! Вот у Танцующих – да, длинные, ослиные. Хе-хе! Знаете, откуда взялись традиции японского аниме? Открою страшную тайну: первооснователь и большинство популяризаторов этого стиля происходили из рода Ночных призраков, пребывающих в традиционном конфликте с Танцующими в солнечном свете. Это они так тонко поиздевались над экзотичной внешностью своих вечных оппонентов.

Сами они, между прочим, далеко не красавцы. Низкорослые, плотного телосложения, не очень сильные, но ловкие, с тонкими бритвоподобными зубами. В последние лет триста представители этого рода занимают нишу воров и разведчиков и действуют весьма успешно. Правда, в последнее время, с развитием технологий, они оказались в некотором тупике. А призраками их называли по основной магической способности: в определенных условиях они способны сливаться с окружающим их пространством. Лучшие из известных хамелеонов. А самое смешное то, что ноги у них – волосатые, поэтому иногда мне так и хочется назвать их хоббитами. Исключительно мысленно, разумеется, чтобы не обидеть ненароком.

Но я отвлеклась.

На безымянном пальце правой руки гостя красуется темно-синее тонкое колечко, простому взгляду незаметное. Такое же, как у Павла. Похоже, альв действительно медитирует. За все время моего весьма пристального осмотра он даже ни разу не моргнул! Ну и ладно, пусть думает о высоком, а я есть хочу.

Едва только я собралась вонзить клыки в большой сочный бутерброд, как сработала сигнализация, да не простая, а магическая! Я закашлялась и выругалась. Чужак, видать! Дело в том, что действующая сигнализация дает весьма разнообразные тактильные ощущения: от легкого пощипывания в кончиках пальцев до чувства, будто под ноготь загнали иголку. На сад накинута легкая сеть, сообщающая о том, кто и в какой точке пытается проникнуть на участок. И каков статус визитеров. А меня как особого гостя Павел подключил к системе – вот ведь слова какие!

Поэтому я так спокойно отнеслась к появлению этого альва. Мягкие легкие покалывания в пальцах дали понять, что он гость и друг.

– У нас гости? – раздался мелодичный голос Поющего.

У него что, тоже имеется доступ к защитной сети?

– У кого это «у нас»? – спросила я, стремительно рванувшись к выходу. Побежав по узкой петляющей тропе, с недоумением заметила, что альв не отстает от меня.

Пелена ароматов начала размазываться, когда я попыталась отсеять чужие, не принадлежащие этому саду. Вот он, незнакомец, безвреден, кажется. У калитки нерешительно топтался здоровенный светловолосый парень с простоватым лицом. Где Павел? Чуть замедлив

бег, я вновь погрузилась в зрение, замешенное на генетической памяти (не знаю, как назвать точнее). Охотник скоро будет, на новом госте остался его отчетливый след. Только зачем было заходить на территорию участка? Опасно...

Аромат паленого волоса заставил резко обернуться. Тьма! В руках Поющего разгорался маленький огненный шарик, а в глазах – холодная ненависть.

Что он творит? Это ведь не враг! Резко рванувшись вперед, перекрывая линию атаки и молнией обрушиваясь на парня, я услышала:

– Куда?! Дура!

За «дуру» ответишь, гад.

От неожиданности чужак, в которого я врезалась на максимальной скорости, рухнул, хотя мой вес ему не более чем копеечка, да так неудачно, ударившись затылком прямо об угол каменной плиты. А над нами, обжигая мне спину, пролетел неуправляемый пламенный сгусток.

Уткнувшись носом в грудь парня, я вдыхала чистый и свежий аромат родниковой воды со слабой примесью лимона. Это же Знающий... Знающий, молодой и неопытный. Только его и не хватало для полного счастья.

Неожиданно чья-то рука вздернула меня за шиворот и поставила на ноги. Силен, однако! И тут я увидела потрясающую картину «Поющий в ярости». В сузившихся глазах полыхала ярость, изо рта вырывалось злобное шипение – вылитый дракон, разве что огнем не полыхает!

– Если ты, ошибка Создателя, еще раз сунешься под руку, – он как следует встряхнул меня, – то я...

Что – ты? Я улыбнулась, возвела глаза к небу, потом указала пальцем на по-прежнему лежащего на камнях гостя:

– Это Знающий.

Альв глубоко вздохнул, тоже посмотрел на небо, ничего там не увидел и успокоился. Все-таки вспомнил. Знающие – неприкосновенны. К тому же, как ни странно, мой статус на данный момент выше, нежели статус альва. Для защитного контура, я имею в виду.

– Что здесь происходит, Жером? – раздался из-за забора чуть удивленный голос Павла. Вот так я и узнала имя альва.

Молоденький Знающий, с извинениями и просьбой больше не нарушать границу, был отправлен обратно в город, да не с пустыми руками. Объемистый сверток, окутанный ароматом тлена и чайных роз, который вручил ему Пьющий кровь, изрядно оттягивал парню руки.

Когда мы остались вдвоем, я потребовала новостей. Все оказалось не так уж плохо. Но и не особенно хорошо. Павел сумел договориться с магистром Знающих, и его пустили в Архивную Ложу, но толку от этого было немного. Ни через официальные хроники, ни через кристаллы памяти нам не удалось установить имя моего отца. Ни один из высших, коих насчитывается не более семидесяти в волчьих семействах, не посещал город, где я родилась, в нужный период времени. Почему высший? Потому что, если бы мой родитель был из низших, после ритуала я бы осталась обычной Охотящейся, а я, сами знаете, во что превратилась.

Впрочем, кристаллы постоянно пополнялись, но часто с большим опозданием и устаревшей информацией. Так что еще были шансы узнать мою семейную принадлежность. Лет через ...дцать регулярных посещений подземелий Знающих. А если учесть, что лично меня выпускать за ограду дома никто не собирается из-за весьма неординарной внешности... Ну уж нет, на многолетнее тюремное заключение я не согласна! Даже на столь комфортабельное!

А сами высшие оборотни признаваться в своем отцовстве что-то не спешили. Среди них считалось неприличным, хоть и не было запрещено, смешивать свою кровь с человеческой. Подобное потомство они приветствовали только у своих низших.

Я говорю «среди них», потому что ни одна семья меня не приняла. И никогда не примет. Таковы правила. Полукровке, каковой я являлась, для вступления в семью требуется поручитель, коим может быть только один из родителей-Охотящихся.

Как уже говорилось, никто из предполагаемых родичей признаваться в отцовстве не спешил. Хотя, скажи я им, кем являюсь... Есть два варианта развития событий, и наименее вероятный заключается в том, что новенькую с радостью примут в любую семью. Второй, наиболее вероятный: меня с еще большей радостью прикончат. И я не понимаю почему. Павел просто поставил меня перед фактом. Несколько расплывчатых фраз о незыблемых традициях, моем странном происхождении и каких-то древних предостережениях оказалось для меня недостаточно, и тогда Пьющий кровь просто зло рыкнул: «Потенциальную опасность – уничтожают!»

Вот это оказалось более доходчивым. В принципе я с гордостью могу заявить, что действительно страшна. Особенно в гневе.

Между прочим, знаете, почему Павел не выпускает меня в город? Во-первых, скрывает собственный просчет. Я и выжить-то не должна была после участия в ритуале, не говоря уже о том, чтобы выйти сухой из воды да к тому же так сильно измениться и внутренне и внешне. На мне стоит личная метка Павла, по которой легко можно определить «автора» ошибки и принять меры к ее исправлению... Во-вторых, я до сих пор не знаю правил поведения в большом городе. Там я была царицей, а здесь – скорее нелюбимая падчерица. Могу оскорбить кого-нибудь непреднамеренно, и Павел заполучит еще одного кровного врага. И в-третьих, я не имею официального статуса. А это значит, что любой другой нелюдь имеет право попытаться уничтожить меня, если зайду на его территорию. Или просто ни за что, под хорошее настроение. Фактически я абсолютно бесправна и жива только потому, что таково желание вампира.

Вот какой заботливый у меня хозяин. И это меня бесит!

Жером, надо сказать, не просто так сюда пришел. Недовольно морща прекрасное лицо, он выслушал краткий пересказ наших приключений и, небрежно откинувшись в кресле, спросил:

– И что ты от меня хочешь?

– Жеро-ом! – укоризненно протянул Павел, ходя туда-сюда вдоль гостиной. – Посмотри на нее. И повнимательнее.

И альв посмотрел. Я, щелкнув когтями, ласково ему улыбнулась. А что такого? Мы же друзья.

– Хм, намекаешь на то, что нужна иллюзия?

– Догадливый!

Так-так, что за иллюзия? Подобравшись, я подалась вперед, внимательно следя за странным диалогом.

– И, наверное, плотную?

– Было бы неплохо.

– Да еще с эффектом полного осязания?

– И защитой от поиска, – небрежно продолжил Пьющий кровь, отодвигая штору и морщась от солнечных лучей, падающих на его бледное лицо.

– По стандартной таксе это будет стоить...

– Знаю, дорого, но ты сделаешь нам скидку.

– Ты в этом уверен? – насмешливо вздернул бровь Пьющий.

– Полностью.

- И что ты можешь предложить?
- Информацию.
- Какую?
- Стоящую.

И вот так – в течение получаса. Они перебрасывались короткими отрывистыми фразами, а я, как робот, поворачивала голову от одного к другому. Это был вполне дружеский диалог. Охотники – недовольно поморщившись, я запустила клыки в очередной бутерброд, – своей выгоды никогда не упустят.

Охотники за наживой – неплохо звучит, да? Это я сама придумала.

Процедура создания иллюзии заслуживает отдельного описания.

Мы поднялись на второй этаж, в кабинет Павла. Я разочарованно огляделась. Ничего особенного. Ромбовидное помещение, вдоль стен – книжные полки, забитые пыльными фолиантами, у окна, занавешенного темными портьерами, пустой письменный стол, покрытый тонким слоем пыли.

Но когда Павел откинул ковер, лежащий на полу, в центре комнаты засияла колдовская шестилучная звезда. Капля крови хозяина – и к потолку вознесся столб тьмы, от которого я испуганно отшатнулась, едва не вылетев за дверь. Альв схватил меня за руку:

– Куда-а?

Хорошо ему! Да и Павлу тоже. Они воспринимают чары на магическом уровне, их тела приспособлены для этого. А я воспринимаю чары только обонянием. Запахи, запахи, запахи... Чужой страх, смерть, полынь, фиалки, мед, осень – все то, к чему уже успела привыкнуть, вдруг ударило в нос концентрированным сгустком. Ароматы кружили голову, заставляя терять разум и щерить губы в кривой волчьей усмешке. Кровь! Убить!

Хлесткая пощечина привела меня, непроизвольно начавшую изменение, в чувство.

Ну, Павел! Попробовал бы он вклеить пощечину моей прежней товарке, волчице. Она бы не сдержалась, покусала бы, да и такой удар ее бы не остановил. Зато сейчас, когда я стала высшей, метод вполне сработал.

– Раздевайся, – флегматично произнес альв.

Что? Я не слышала?

– И не смотри так, – отступив к окну, буркнул Павел. – Как, по-твоему, иллюзии накладываются?

– А я откуда знаю?

Пожав плечами, я все же скинула на пол майку и джинсы. А кого стесняться? Все, можно сказать, свои.

– И что дальше? – поинтересовалась я.

– Шагай в звезду.

– В звезду-у? Что-то не хочется. После определенных событий я не испытываю к пентаграммам никакого доверия.

– Не дури, – нетерпеливо подтолкнул меня вперед Жером. – Это универсалка!

Если бы это слово мне что-то объяснило!

И я ступила в звезду. Ничего похожего на пожирающую душу злобную тьму, с которой я познакомилась раньше. Эта звезда оказалась ласковой, льнувшей к коже нежным шелком, терпеливой. Я ощутила слабый аромат... хм, укропа? М-да, запомним.

Я видела Павла и Жерома будто сквозь толщу воды, их лица и движения были странно искажены. Альв сосредоточенно хмурился, вытянув вперед руки. С кончиков его пальцев сорвался холодный огонь и медленно просочился внутрь «водного пузыря», в котором я оказалась. Огонь обжег, не оставив следов, тонким слоем покрыл все тело и на миг застыл непроницаемым доспехом.

Павел удовлетворенно кивнул головой, и покрытие мгновенно размягчилось.

– Кольцо, – донесся до меня неузнаваемый голос альва, неотрывно глядящего в одну точку и протягивающего руку вампиру.

Тот перебросил ему на ладонь маленький предмет.

Я замороженно наблюдала за тем, как в прозрачный камень в тонкой серебряной оправе быстро втянулась сине-белая субстанция, взявшаяся непонятно откуда.

– Все. Можешь выходить.

Вынырнув на поверхность, я нерешительно сделала шаг вперед.

– Примерь. – Павел протянул мне кольцо, которое я тут же надела на безымянный палец левой руки. Украшение подошло идеально.

Это сказки, что оборотни не выносят серебра. Порой ощущения не очень приятные, но вполне терпимые. Серебро – наиболее податливый металл, покорно впитывающий наложенные чары и поэтому часто используемый для изготовления разного рода амулетов. По этой причине и возникла легенда о неприятии оборотнями белого металла: чаще всего оружие, поражающее нелюдя, именно серебряное, только с особой начинкой.

Блин, не голова, а ходячая энциклопедия. Павлу следовало более тщательно отбирать информацию, которую он впихнул в мою несчастную голову. Столько мусора!

Тело на миг окутал холодный мятный ветерок, по коже прошлись мурашки, и на этом все закончилось. Смахнув пару незримых паутинок, я залюбовалась переливами синего огня в обрамленном серебром фианите... и пальцами без ногтей! Оба нелюдя задумчиво переглядывались, и Павел спросил:

– Она что, видит магию?

– Угу, – согласился альв.

– Может, и воздействовать научится?

– Если только с помощью подручных средств.

– Надо попробовать.

Будто меня здесь нет! Глядя на этих двоих, я требовательно поинтересовалась:

– О чем это вы?

– Ты видишь оформленную в действие магию, – сообщил Павел.

– Я вообще-то много чего вижу.

И два потенциальных трупа в том числе!

– Оденсья, и попробуем...

Я просто поражаюсь, какие они целеустремленные! Охотники! Я жду объяснений! Гр-р! И поскорее!

– И что теперь с тобой делать, а? – устало спросил Павел, бессильно распластавшийся на дорогом ковре. Почти сутки магических экспериментов кого хочешь утомят. Зато мы выяснили, что у меня есть необычный дар, несвойственный моим сородичам-Охотящимся, абсолютно лишенным каких-либо магических способностей.

Я вижу магию. Вижу, как она проявляется в готовых формах: артефактах, плетениях, даже в чьих-то действиях. Вижу струи огня, легкий туман, сеть, клубки переливчатой темноты. Напрягшись, я разглядела крупные ячейки защитного купола. А то, что не вижу, как, например, направленные на меня альвом боевые или сонные чары, я отчетливо ощущаю, чую! И успеваю от них увернуться!

Мы так увлеклись, что едва не свалили шкаф.

И я могу магически воздействовать. Не самостоятельно, да, но с помощью парочки артефактов – вполне успешно. Когда видишь основной узел плетения, легче легкого его разрушить, а высвободившуюся силу перелить в поглотитель.

Работать и работать...

– И что с тобой делать? – потянувшись, риторически повторно спросил Павел, хмуря белесые брови. – Убивать вроде жалко, такой интересный экземпляр. Изучить бы надо, хотя этот процесс непредсказуемый и опасный.

Гр-р! Попробуй только! Оба варианта! И что за манера говорить так, будто меня рядом нет? Я попыталась клацнуть клыками. Черт! Иллюзия-то осязаемая, то есть клыков я не ощутила, а язык прикусила.

– А возьми ее в ученицы, – предложил альв, поправляя прическу.

– Ты думаешь? – задумчиво взглянул на него вампир. – А что скажет конклав?

– Не смей меня. Какая тебе разница, что они скажут? Это твое право. И вообще, когда ты в последний раз брал ученика? Ага, лет пятьдесят прошло, точно.

– Но она – высшая! Хотя твоя иллюзия смотрится замечательно. Достоверно, и, что ценно, девчонка выглядит совсем как раньше. Но полукровка-Охотница – это...

– ...это отличная идея! – закончил за него Жером.

– Почему бы и нет. Слушай, Лена, пойдешь в одинокие охотники?

Как будто у меня есть другие варианты. Они, конечно, есть, но все какие-то не жизнеутверждающие. Так что я согласно кивнула головой, оторвавшись от разглядывания белого потолка. Жить-то хочется.

– Ну вот все и решилось, – подвел итоги Жером. – Когда у нас собрание?

– Через месяц. Хм, Кореллис лопнет от ярости. Безродная полукровка – моя ученица! Он-то мне на прошлом конклаве пытался всучить воришку-Крадущегося.

Ну что сказать? Действительно, через месяц мне без разговоров вручили тонкое золотое колечко ученика. За это время я просто озверела, сидя взаперти и до отупения читая книги, в основном древние исторические хроники. Зато, попав на чинные посиделки, именуемые конклавом, я не выглядела необразованной дурочкой.

Это было потрясающее собрание в VIP-зале одного из самых дорогих ресторанов. Кого здесь только не было! Неудивительно, что они не могут договориться между собой. Крадущиеся лаялись с Поющими, Танцующие ссорились с Ночными призраками... Н-да, и кого они пытаются обмануть своими личинами? Уж точно меня обмануть им не удастся! Я их просто за версту чую.

В тот момент, когда мы с Павлом, разряженные в пух и прах, вошли в зал, на миг воцарилась тишина. Все сидящие за столиками дружно повернулись в нашу сторону, а потом разочарованно отвернулись. Павел вздернул брови, и метрдотель проводил нас к свободному столику, обдав ароматом зеленого лука. Что-то меня на гастрономию потянуло. Опять есть хочется!

Оглядевшись и убедившись в том, что безлика, хоть и дорогая обстановка ресторана не достойна моего внимания, я углубилась в изучение меню.

К нам подходили какие-то люди, приветствовали, интересовались, как дела, что нового. И всем им Пьющий кровь как бы мимоходом сообщал о своем решении взять ученика. Его ответ на следующий, закономерный вопрос многих вгонял в ступор. От парочки Танцующих дохнуло застарелой ненавистью. Так-так, запомним!

А вот и Кореллис. Недовольство так и сочится из этого субличного Крадущегося. И еще на его лице – огромное удивление. Он никак не может взять в толк, чем обоснован выбор Павла. Это хорошо. Ну, мы не будем посвящать его в нашу маленькую тайну, нам ни к чему портить репутацию.

Посвящение в ученики у оборотней со стороны выглядит как человеческая помолвка. Павел, сделав торжественное лицо, извлек из кармана бархатную коробочку, открыл и требовательно протянул мне руку. Замерев, я проследила за тем, как он надевает тонкий ободок на средний палец моей левой руки.

– Я, Павел из рода Пьющих кровь, одинокий охотник, беру тебя, полукровка Елена из Охотящихся в ночи, в ученики. Отныне вся ответственность за твои деяния лежит на мне, равно как и обязанность карать и миловать тебя за проступки, нарушающие правила маскарада. Согласна ли ты?

Мило улыбнувшись, я проговорила:

– Согласна.

Хоть мне и предстоит теперь многолетнее учение-мучение.

Интерлюдия вторая

О призраках

Вы хотели послушать о призраках. Что ж, я вам о них расскажу.

Самые свежие привязаны к территории неподалеку от столицы. Несколько лет назад в Подмоскovie случилась большая драка между одинокими охотниками, Карающими и изгоями. И многие упокоились, перед смертью приобретя чрезвычайно неаппетитный вид. А застряв в призрачном состоянии, эти нелюди приобрели и весьма неприятный характер. Если учесть тот факт, что большинство из них были изрядными сволочами еще при жизни и не отличались моралью апостолов, испуг любого, кто рискнул сунуться на заброшенный завод, где произошла драка, совершенно понятен. У призраков, привязанных к месту смерти, мало развлечений, вот они и гоняют от души незваных гостей по всем доступным закоулкам. Но до смерти пока никого не загоняли, хотя это не так уж сложно. Уж очень эти парни любят жизнь, даже такую неполноценную. А если в месте их скопления произойдет всплеск необъяснимых смертей, то это может привлечь ненужное внимание, и призракам, согласно правилам маскарада, придется убраться из этого мира окончательно.

Не стоит гулять по таким местам в одиночестве, да еще и ночью в полнолуние, вооружившись только емкостью со святой водой. Впечатления будут незабываемыми, но, возможно, последними в вашей жизни. Святая вода против призраков не помогает. Правда, вода, набранная у истинно верующих служителей в местах нисхождения божественной силы, обладает хотя бы отпугивающим эффектом. Где же такие места? Троице-Сергиева лавра подойдет. А поближе есть одна деревенька, Льялово. Там тоже можно запастись водичкой, но с оглядкой – только в святые праздники и только у отца Амвросия. Иначе никакой силы это зелье иметь не будет.

К тому же не мешает ознакомиться и с теорией, прежде чем идти сражаться.

Самое первое и самое важное – призраков людей не бывает! Конечно, если речь идет об обычных людях, а не о магах различных династий. Что есть призрак? Энергетический слепок души, который застрял в нашей реальности, а не ушел куда положено. Из-за незаконченных дел, привязки к месту смерти, слишком сильного эмоционального всплеска в момент гибели. Да мало ли причин может быть. По-всякому случается. Главное условие: душа должна быть достаточно цельной и плотной энергетически, что среди представителей доминирующей на Земле расы редкость. Так что, когда человек умирает, от него остается только неаппетитный труп и рассеивающаяся в течение пары часов эфирная оболочка. А душа без задержки вливается в энергетическое поле планеты.

Что есть магия? Это способ непосредственного воздействия на окружающий мир, без технических приспособлений. Самый прямой и... самый недоступный для большинства населения планеты. Стать магом, основателем династии, может только человек, обладающий идеальным здоровьем и огромным энергетическим запасом. Сейчас таковых рождается один на миллион человек. При численности населения планеты около шести миллиардов –

это капля в море. Когда-то соотношение было более правильным, чему способствовал естественный отбор, прекрасный инструмент природы для поддержания баланса в мире. Выживает сильнейший, а ребенок-маг лучше приспособлен к жизни, нежели ребенок без магических способностей.

Но так было в прошлом. Технический прогресс дал возможность выживать слабым и больным людям, которые по определению не могут породить здоровое потомство. В итоге мы имеем то, что имеем. На подобном фоне нелюди выглядят чуть ли не сверхсуществами, а на самом деле это рядовые члены обществ, какими эти общества были в стародавние времена. Качество всегда подавляется количеством. Вспомнить хотя бы инквизицию, выкосившую почти все магические династии Европы!

Однако вернемся к нашим призракам.

Самым страшным из тех, о ком я слышала, был призрак одного из правителей Китая. Магическая династия Чен правила длительное время, и довольно успешно, пока один из сыновей правителя не возжелал власти, которая по статусу ему была не положена. Рожденный от наложницы, он мог рассчитывать на должность военачальника, но юноша унаследовал от отца способность повелевать стихиями и непомерную гордость и властолюбие. Военной карьеры ему показалось мало. Он долго шел к абсолютной власти, обзаводился сторонниками и предавал их, плел замысловатые интриги. А в один прекрасный день обрушился на спящий дворец с отрядом головорезов, устроивших среди садов и прудов кровавую бойню. Был убит повелитель, заранее опоенный сонным зельем, были убиты все его сыновья, погибли все наложницы и любимая супруга.

В общем, все умерли. А трупы были сброшены в огромный ров и засыпаны землей.

И воцарился на нефритовом троне новый правитель. Возможно, он был бы не самым плохим продолжателем династии, этот целеустремленный жестокий человек. Но не сложилось. В годовщину его воцарения на престол страну постигли неисчислимые бедствия. Засухи и ураганы, наводнения и смерчи, неурожай и голод, бунты и смерть... Пришла в страну и чума. Но отчего, почему? Этими вопросами задавался повелитель стихий. Ведь он умиловил всех богов, обманул подданных, свалив гибель прежнего императора на чужестранных наемников и кочевых дикарей, он накормил голодных и снизил подати.

Но он забыл о том, кого убил. Призрак убитого императора, душа которого так и не нашла успокоения, поселился в когда-то принадлежавших ему землях и, одержимый местью, стал крушить все, что было построено не одним поколением людей. Будто само Провидение вложило в его длань орудие мести: по его незримой воле ветры несли в гибнущую страну то жар, то холод, то болезни. А во вторую годовщину гибели император восстал из мертвых. И вслед за ним восстали все погибшие: мужчины, женщины, дети. Зловонные трупы под предводительством призрака, пылающего гневом и ненавистью, ворвались во дворец. Никто не остался в живых, хотя среди нынешних обитателей дворца были и невинные. Все приняли мученическую смерть, разорванные в клочья цепкими руками выбравшихся из рва мертвецов. Сам же повелитель, войдя в тело своего убийцы, взорвал его изнутри.

На том и закончилась династия Чен. О последующих междоусобицах и упокоении мертвецов позвольте мне умолчать.

Есть и более веселые истории. Например, байка о призраке-путешественнике.

Жил-был старый-престарый Леший, хранитель леса, есть такой немногочисленный род. В силу физиологических особенностей Леший никогда не покидал свой дом (оставить лес для него означало умереть от энергетического истощения), а ему так хотелось путешествовать! И он придумал гениальный выход из положения. Вырастил детей и внуков, передал им наследство – самую глухую и заповедную пушу, какая только есть в стране, и отправился к железной дороге, недавно проложенной сквозь окраины его царства. Там он бросился под

проезжающий мимо поезд. Разумеется, погиб, но, как и многие существа, в момент смерти испытавшие эмоциональный подъем, стал призраком. И сумел запрыгнуть в один из вагонов. Под номером тринадцать, разумеется.

Поезд был дальнего следования, «Москва – Владивосток», так что его мечта сбылась. Леший смог вволю попутешествовать, да и повеселиться тоже. Ах, как он пугал пассажиров глухими завываниями и уханьем! Как пугал их в коридоре, заставляя ломиться в чужие купе! Любил еще составить компанию проводникам, заваливаясь к ним по ночам на стаканчик чая.

Исколесил всю Россию, даже в Китае побывал... пока не наткнулся на одного непуганого альва. Тут бы призраку и конец пришел, но Поющий оказался парнем с чувством юмора и со смекалкой. Взял да и пересадил призрака в другой поезд, из тех, что за границу регулярно ездят. Говорят, призрак Лешего до сих пор колесит по Европе, пугая глупых людишек. Иногда находится добрая душа, дающая ему возможность освоить новый маршрут.

Есть еще и поезд-призрак, и троллейбус-призрак, и легендарный «Летучий голландец» существует. Только это уже магия чистой воды. Проекция с заложенной в нее программой действия и активируемая сочетанием условий. Но это уже совсем другая история.

Глава 3

Неприятности

Тишина в доме стояла такая оглушающая, что звенело в ушах, поэтому я не сразу поверила в услышанное.

– Они сделали что? – переспросила я, от возмущения, смешанного с огромным удивлением, перейдя на рык.

– Забрали. Обнаружив неопровержимые улики, найденные на месте преступления.

– Какие улики? – Я заметалась с телефоном в руках.

– Ищейки, рыскавшие там, указали на Павла и...

– Да я сама сколько раз их обманывала! – проорала я.

– Скажи это клану. – Голос Жерома в телефонной трубке был само спокойствие.

– Р-р-р!..

– Угомонись.

– С-советчик! Куда его увезли? – спросила я, торопливо собирая вещи. Если Павла забрали, скоро явятся и за мной.

– В обитель клана, разумеется.

– Я спрашиваю конкретно – куда?

– Резиденция в Грачевке.

Я мгновенно все решила:

– Так, жди меня у Алтуфьево. Расскажешь подробности.

– Но...

– Все, у меня гости.

Разрыв защитной сети отдался в висках мгновенным всплеском боли. А в окно было прекрасно видно, как из большой машины с затемненными стеклами выскакивали незнакомые люди.

Время вышло.

Выскочив за дверь, поворотом ручки активирую заклинание самоуничтожения. На втором этаже – тоже. На входной двери активирую дополнительный защитный контур, получая еще две минуты форы. Неприметный лючок ведет в подвал, где нет ничего интересного, но, скользнув вниз, все равно отдаю приказ на саморазрушение. При нажатии на один из камней часть стены бесшумно отъезжает в сторону, и я протискиваюсь в узкий лаз. Здесь, в темноте, среди ароматов сандала и пыли, хранятся самые ценные вещи.

Оружие, артефакты, сокровища – ничего не трогаю, торопливо двигаясь вдоль стеллажей к тайному ходу. Забрав только ожерелье поиска и свой ученический кинжал, ныряю за одну из полок. Жалко коллекцию, но и ее придется спалить. Капля крови и кодовое слово заставляют проснуться «белый пепел». Извилистый ход выводит меня далеко за пределы брошенного на произвол судьбы сада, в небольшой овражек, заросший дьявольски густым и колючим шиповником. Оглянувшись, успела заметить белесую вспышку в одном из окон и зло улыбнулась, показывая клыки. «Ничего вы не найдете, господа Карающие», – подумала я. Ни денег, ни информации, ни улик, а только белый пепел среди голых каменных стен.

И как хорошо, что я оставила мотоцикл за пределами поселка. Хотела сделать сюрприз своим ранним возвращением, а в итоге убегаю, поджав хвост.

Стоит жаркое лето. И вот мчусь по «кольцу» в сторону Алтуфьево, машинально обгоняя людишек, тащащихся подобно черепахам. А в голове крутятся мысли... Что случилось? Почему вдруг решили забрать именно Павла, да еще используя такой смехотворный повод, как улики, найденные ищейками? И почему я, одинокая охотница в статусе ученицы, скры-

ваюсь от стражей из рода Карающих? Наверное, потому, что внутри меня кричат и вопят инстинкты, интуиция и нюх, предупреждая о том, что живой я из их рук не вырвусь.

От асфальта поднимались волны жара и едких испарений, забивая нос. Притормозив на светофоре, я попала под выхлоп старого КамАЗа. Водитель, заметив мою затянутую в кожу фигуру, высунулся из окошка и, скалясь, поддал газу. Я спокойно подняла затемненный щиток шлема и дружелюбно оскалилась, сверкая желтыми глазами. Мужик поперхнулся и нырнул в кабину.

Я прибавила скорости. Мой нос не выносит настолько концентрированных «ароматов», а я лично – подобной безнаказанной наглости. В голову пришла одна мысль, заставившая нервно дернуться к обочине, подрезая старые «жигули». Обычный магический поиск Карающим ничего не даст, потому что я не владею магией, но... кольцо! Меня можно вычислить по ученическому кольцу, которое в контакте со мной создает особые колебания в эфире. Не сбавляя хода, я стянула перчатку и швырнула тонкое золотистое колечко в подвернувшуюся канаву.

Так, и где же Жером?

Медленно проезжая мимо остановки, осматриваю толпу. Какую иллюзию он обычно носит? Щеголеватый молодой человек, блондин в темных очках и дорогом светлом костюме, с длинной серьгой в левом ухе.

Вот он, высокомерно замер у знаменитой объедаловки дяди Мака. Недовольный вид Жерома объясняется еще и тем, что альву принадлежат пять процентов акций «Ростикса», у которого с «Макдоналдсом» постоянная конкуренция.

– Садись! – подкатившись, поторопила я.

Альв устроился позади. Искренне надеюсь, что не свалится. Он же сноб, кроме «мерседесовских» моделей ничего не признает и ездить на мотоцикле не умеет. И если бы не необходимость хотя бы минимального соблюдения секретности, явился бы на встречу на одном из своих авто.

Не о том я думаю. Выехав на «кольцо», рванула в сторону Митино. Я смеялась, когда Павел решил купить там квартиру через двоих посредников. Думала, зачем нам нужна дополнительная точка... А вот пригодилась.

Когда дверь типовой квартиры за нами с Жеромом захлопнулась, я коротко приказала:

– Рассказывай.

Блондин потерянно рухнул на табурет, снял очки и сощурил глаза, глядя на то, как я нервно постукиваю носком по линолеуму.

– Ну! – прикрикнула я.

– Ночью убили Вьен-Кирита.

Что? Когда? Я же с ним виделась вечером!

– Того самого, – сухо продолжил альв, – твоего любовника из Охотящихся.

Я промолчала. А что тут скажешь?

– Вы должны были встретиться? – Жером вопросительно поднял брови.

– Да, но... Я отказалась от встречи в самый последний момент.

– Точно? – Поющий подобрался, готовясь к прыжку.

Он думает, что я на него нападу? Но почему? В ушах шумела кровь, и восприятие слегка затормозилось.

– Да, точно, а что? – вскинувшись, пробормотала я. – Рассказывай дальше.

– И это все, что я знаю. Но утром к Павлу явились Карающие.

– Он так просто пошел с ними? – Вот и моя язвительность проснулась.

– Их было пятеро. И к тому же он подозревал, что это ты убила Кирита, – тихо закончил Жером.

Я удивленно подняла глаза. В груди зародилось глухое рычание и восприятие обострилось, когда до меня стал доходить смысл последней фразы.

– Я-а? – Когти впились в подлокотники, тело непроизвольно напряглось. – И ты тоже так думаешь?!

– Успокойся! – взметнулся вверх Жером, поигрывая огненным шариком. – Контролируй себя! Иначе...

– Ты мне веришь? – спросила я.

– Верю, – устало улыбнулся альв.

Это подействовало на меня, как хорошая доза успокоительного. Осев обратно в кресло, я задумалась. Невесело. Они все поверили, что я убила сородича! И Павел и Жером... гадко. Я даже не была любовницей Кирита – побрезговала, узнав о его хронической склонности к изменам. Хотя для волка это нормально, но для меня – неприемлемо.

А Павел подставился из-за такой глупости.

– Ну, не все так плохо, – попытался утешить меня альв, пока я в прострации сидела у окна.

– Да ты сам-то в это веришь? – прошипела я. – Если они до сих пор не выпустили учителя, значит, собираются его уничтожить. Да и за мной приходили не ангелы, а чистильщики.

Жером насторожился. Правильно, в нашем доме хранилось много всякого разного, обнаружение коего посторонними грозило опасностью в том числе и альву.

– Не волнуйся, я успела запустить «белый пепел».

Мне было безумно жаль и дом, и все, что там осталось. Хотя главное – наши жизни – все-таки при нас.

– Хм... – Мой товарищ по несчастью погрузился в тяжкие раздумья.

Но я уже все решила. Неожиданно передо мной возникла четкая цель, а также я увидела способы ее достижения.

– Значит, так, – поднялась я, нарушив траурное молчание, и прошлась по кухне. – У меня есть план.

– Какой такой план?

Этот парень еще и язвит. Спокойно и четко я проговорила:

– Сначала мы сходим на место убийства, затем я вытащу Павла из Грачевки, а потом уже займемся восстановлением нашего доброго имени.

– Чем-чем мы займемся?

– Чем слышал!

– Послушай, ошибка Создателя, как ты это себе представляешь?

– Очень просто!

– Дура!

– Сам такой! – Мы уже почти орали, стоя друг напротив друга и сверкая глазами. – Можешь предложить что-нибудь поумнее?

– Бежать!

– Ну уж нет... И к тому же куда?

Альв промолчал. То-то и оно – везде найдут в два счета. А пока не нашли, следует поторопиться и сделать свой ход.

– Кстати, а почему – мы? – вдруг спросил Жером.

– Думаешь, тебя оставят в покое, зная, что ты – побратим моего учителя?

И снова тишина. Обреченная, грустная.

– Ладно, где Кирита убили? – снова приступила я к расспросам.

– В квартире на Тверской.

– Знаю, где это, – недовольно скривилась я. – Двинулись.

– Но только не на твоём монстре, а своим ходом.

– Чем тебе не нравится мой «круизер»?

– Слишком приметный.

И это правда. Придется добираться через пол-Москвы. Ненавижу общественный транспорт!

В глубине души я почему-то оставалась совершенно спокойной. А Павел столько раз жаловался, что не смог привить самоконтроль! Ох, Павел...

Я выгляжу, как сотни и сотни других девушек неопределенно-молодого возраста. Светло-каштановые волосы, серые глаза, неприметные черты лица, которые тут же исчезают из памяти смотрящего. Никаких клыков, когтей и вертикальных зрачков. Черные джинсы и кожаная курточка дополняли образ отвязной девчонки. Однако имидж придется сменить. Ведь искать будут и по внешнему описанию.

Под майкой пряталось тонкое ожерелье из мелкого сердолика – амулет против ментального поиска, а в наручных ножнах удобно лежал ученический кинжал, с помощью которого я могла воздействовать на различные чары.

Сосредоточившись, я попыталась отследить поводок, тянувшийся от личной метки одинокого охотника, но наткнулась на глухую стену. Слишком далеко, и даже наша связь учитель – ученик не может пробиться сквозь выставленные щиты... Что же происходит?

Вот и нужный дом. Трехметровые потолки, евроремонт, дизайнерские изыски... До старого пятиэтажного особняка мы добрались, пребывая в на редкость вздрюченном состоянии, готовые порвать в клочки любого, кто встанет поперек дороги. У меня вдобавок ко всему кружилась голова. К сожалению, я еще не до конца освоила искусство ухода от реальности, и концентрированные ароматы подземелий сильно давили на сознание.

Обитая натуральной кожей дверь на втором этаже несет следы прикосновений множества людей и нелюдей. Однако поблизости – никого. Ни сотрудников человеческой милиции, ни стражей Карающих.

– Подожди у входа, – попросила я.

Альв понятиво кивнул. Он будет только мешать, ведь я собираюсь поохотиться, а эманации Жерома наверняка перебьют застарелые ароматы. К тому же кто-то должен следить за окружающей обстановкой. Ведь нам не нужны незваные гости, мы и сами – незваные.

Осторожно скольжу внутрь и расслабленно замираю на пороге, один за другим снимая заслоны между сознанием и реальностью. И реальность не замедлила накрыть меня с головой. Окружающее пространство расцветилось новыми оттенками, грани обострились, выявляя обозначившиеся запахи. Шагнув вперед, я прикрыла глаза. Ведите меня, охотничьи инстинкты.

Вот след Вьен-Кирита. Горячий мускус и мокрая шерсть – запахи струятся по комнатам, бессистемно и бездумно. Непроизвольно облизываюсь. Жаль, что мы так и не познакомились с тобой поближе.

Еще один запах принадлежал Павлу. До боли знакомая полынь с горчинкой, окутывающая добродушной пеленой порог и коридор. Он был здесь, и уже довольно давно. Зачем колдовал, к тому же так много? На миг мне показалось, все произошло совсем недавно. Понятно, почему ищейка указала на него.

А вот и смерть, выступившая кровавой пеной на губах, исходящая потом, скорчившаяся страхом в дальней спальне. Но плотной тканью ее накрывает неутоленная страсть... Ты умер довольным, Кирит?

Вот еще запах. Недоумение старой женщины, обнаружившей тело, ее глухое раздражение, оставшееся на запертых ящиках письменного стола.

А здесь – Карающие с ищейкой, забивающие окружающее пространство приторно-сладким ароматом верескового меда. Странно, ведь они далеко не приятными вещами

занимаются, а вот поди же – цветочный букет. Осы – вот они кто. Безжалостные осы, не приемлющие компромиссов.

И... все? Я на миг потрясенно замерла посреди комнаты. И вновь закружилась в поиске. Умеющий чувствовать да обрящет. Вдох, выдох, полный покой, расслабление, сменяющееся настороженным восприятием.

«Расскажи...» – срывается с губ полустон-полусшепот.

И сквозь наслоения чужих эмоций и ароматов проступили кем-то старательно затертые следы присутствия. Стены старого дома, не желающего забывать, поделились со мной памятью. Ведь каждый камень – это целый мир, и надо просто суметь пробудить в нем жизнь. И понять, что он хочет сказать.

Вот оно. Даже не запах, а его легкая тень, полунамеки. Прах, тлен, отсутствие близких эмоциональных связей. Отчаяние волка-одиночки, изливаемое в страстной песне в час полнолуния?.. Нет. Очень похоже, но это не то. Легкий флер болотной тины, скрывающий движения магического существа? Нечто неживое? Отделенное и смертельно опасное?.. Что?

На поверхность рассудка всплыло знание, чужое воспоминание о прошлом. И за это тоже следует благодарить Павла. Шепот учителя прозвучал в голове призрачной музыкой, и мысленным взором я увидела того, кого искала. Мелкий демон, питающийся эмоциями, суккуб-инкуб, удовлетворяемый страстью жертвы, вызываемый с того края реальности.

Я встряхнулась, удивление едва не отправило меня в забвение. Отерев с губ кровь, вновь поставила щиты и выскользнула из квартиры. Немногим семьям доступна эта способность – призвать из забвения сущность и расплатиться чужой жизнью, да и затереть следы присутствия не так просто.

Круг подозреваемых сужается.

Об этом я и сообщила напряженно замершему у дверей Жерому в ответ на его вопросительный взгляд. Альв коротко хмыкнул и потребовал полного отчета. Ну и наглость! Между прочим, сам бы он этого никогда не узнал – не обладает способностью пробуждать память неодушевленных предметов.

– Вьен-Кирит умер, несомненно, счастливым. Демоница залюбила его до полного изнеможения.

Поющий поморщился, не одобряя столь грубого юмора, особенно перед лицом смерти. Ведь что у нас дальше по плану? Сущее самоубийство! Поход в гости к Карающим и попытка вытащить Павла из их новой резиденции. Если он еще жив.

Надеюсь, он еще жив... Не смей, не смей плакать!

Перед жестокой бескомпромиссностью стражей Карающих меркнет даже легендарное высокомерие одиноких охотников. А ведь когда-то, до прохождения ритуала, представители этого рода были простыми людьми. Впрочем, надо пояснить. Люди в большинстве своем не имеют врожденных магических способностей. Есть среди них небольшой процент истинных сенситивов, но они не афишируют свои возможности, и контактируем мы с ними на одном уровне бытия, поскольку вращаемся в одной сфере. И потом зачем враждовать, если можно взаимовыгодно сотрудничать? Существует несколько человеческих династий, в которых подобные специфические способности передаются по наследству; их представители вполне вписываются в наше мироустройство и, как и мы, соблюдают правила маскарада.

А вот Карающие... Из тщательно отобранного человеческого материала их создают старейшины остальных родов с помощью весьма неприятного ритуала. Так избранные становятся ищейками, чистильщиками и ловцами. Но людьми они при этом быть перестают. Карающих не любят, порой ненавидят, но все же терпят. Они присвоили себе функцию, ну, вероятно, милиции, эдаких стражей порядка, хотя надобности в том не было никакой. Одинокие охотники и сами вполне справляются с изгоями.

Для проведения ритуала, с помощью которого клан пополняется новыми членами, нужно взять силу и суть того, кто принадлежит к роду исконных оборотней. Это еще одна причина, по которой Карающих так не любят...

В Грачевке я оказалась только к вечеру. Медленно кружа вокруг парка в волчьей ипостаси (не так подозрительно, мало ли какие собаки ночами по парку бегают), я искала вход в резиденцию. Не главный, ведущий вниз из одной из церковных пристроек, ни запасной, через подвал близлежащего дома, а свой.

Спокойная, рассудительная, умелая, решительная. Отрешенная. Охотящаяся в ночи. Почему только сейчас я вдруг обрела способность полностью контролировать себя? Потому что в данной кризисной ситуации больше некому сделать то, что намереваюсь сделать я. Жаль, если Павел не увидит меня во всей красе.

Когда сумрак надежно укрыл город, я решительно свернула в развалины человеческого долгостроя. Это здесь.

Вот только зачем Карающим понадобился этот рассадник бомжей над головой? Поморщившись от ударившей в нос вони, я бесшумной, невидимой тенью скользнула между бетонными стенами, которые добровольно поведали мне все...

Вот Танцующие-полукровки. Легкий аромат ландышей пролился бальзамом на мое измученное обоняние. Глупые молодые полукровки, разве вы не знаете, кто здесь скрывается?

Не зря, не зря в этом подвале так воняет! К счастью, вентиляцию еще никто не отменял. Я даже растрогалась на мгновение. Карающим, оказывается, тоже надо дышать. Задержав дыхание, я плавно перетекла в антропоморфное состояние. Чтобы поднять бетонную плиту, а затем и решетку, пришлось потрудиться.

Что тут у нас?

«Малая ловчая сеть» перегораживала узкий проход, в который – я задумчиво прищурилась – можно пролезть, но с трудом, уповая только на природную гибкость высшего оборотня. И никаких глупостей в виде одежды.

Сосредоточившись, я направила кинжал-глотку точно в узловую точку чар и активировала. И клинок совершенно бесшумно, замыкая нити сторожевой паутины одна на другую, засосал сияющую розовым «сеть».

Темная узкая шахта уходила вниз. Я закрепила веревку на поясе, вложила кинжал в особые ножны, не соскальзывающие при трансформации, кольцо иллюзии повернула камушком вниз, и обыденный облик невзрачной девочки-подростка сполз с меня, как шелуха. И кто меня теперь увидит, того пусть кондрашка хватит!

Спускаться оказалось неожиданно легко. Кожа сдиралась о стены шахты, но я почти не обращала внимания на саднящую боль. Когти входили в бетон, как в масло. Плиту, прикрывавшую лаз, положить на место я, понятное дело, не смогла, но решеткой снизу все же замаскировала ход. В принципе это было неважно: если все получится, то какая разница, узнают ли Карающие, каким способом я сюда проникла. А если не получится... то тем более неважно.

Метров через тридцать мерзкого путешествия в полной темноте, пронизанной адскими ароматами, шахта разделилась на четыре прохода, перекрытых вентиляторами, решетками и сетью.

Куда теперь?

Я прикрыла глаза, вспоминая. Связь учитель – ученик позволяет и ученику тоже вести поиск, но на небольшой дистанции. К сожалению, Павел заблокировался, не желая, чтобы меня отследили, но, надеюсь, я уже близка к цели. Личная метка на таком расстоянии срывает не хуже магнита. Даже на уровне инстинктов, уже проверено.

Ш-ш-шс-с-с! Больно-то как! В голове будто взорвалась бомба, когда часть сознания, отпущенная в путешествие по темным катакомбам, попала... непонятно куда. Судя по ударившему по нервам напряжению, щиты Павла, где бы он ни был, долго не продержатся.

В каком направлении? Чуть вниз и направо.

Нечеловечески изогнувшись, я проделала знакомые манипуляции с еще одной «ловчей сетью» и безжалостно выдрала из стены вентилятор вместе с решеткой. Остается надеяться, что никакого механического сигнала не имеется. Втянув живот, протолкала обломанные лопасти в глубь тоннеля. Главное – не торопиться. Это просто такая жестокая охота.

Проблуждать все же пришлось изрядно. Пару раз ментальный след выводил меня в тупики, и приходилось пятиться до предыдущей развилки. Кинжал буквально ломился от выпитых чар, несколько сломанных вентиляторов красноречиво говорили о моем поспешном бегстве, весь окружающий мир забили медовые ароматы. Ломило в висках и пересохло во рту. Похоже, я надолго возненавижу закрытые пространства! Пыль, пот и кровь... Местами шахты сужались так, что мне приходилось изображать змею, едва не выламывая кости из суставов.

Отрешенное спокойствие постепенно стало исчезать.

Начиная тихо бесноваться и желая на свою голову всяческих дополнительных неприятностей к уже имеющимся, я неожиданно наткнулась на зал приемов. Через решетку и мерно вращающиеся лопасти, гоняющие воздух, открылся весьма интересный вид. Я чуть-чуть задержалась. А уж разговор оказался еще более интересным.

Затаив дыхание, я прислушалась.

– Они все еще не могут найти какую-то жалкую полукровку? – с издевкой протянул приятный баритон.

– Не такую уж и жалкую, как выясняется! – фыркнул обладатель тенора. – Да и как найдешь затаившегося одинокого охотника, не имея ни одной его личной вещи? В доме не нашли ничего, кроме пепла.

Я невольно растянула губы в хищном оскале.

– Не везет твоим ищейкам. А дружка-альва проверили?

– Первым делом. Он чист.

Это когда же успели? Облизнув губы, я, запоминая собеседников, втянула носом легкий флер коричневого и горчичного аромата, кружащего в помещении.

– Кстати говоря, как там твой клиент? – решил отыгаться тенор.

– Все еще блокируется. И откуда только силу берет? – с веселым недоумением ответил баритон.

– Желает проследить?

– Зачем? Мой Рельди и сам справится.

Они вышли за дверь, а я, воодушевленно рыкнув, продолжила путь. Еще есть время! Стены. Каменные, бетонные, стальные, пластиковые, наклонные и горизонтальные – сколько кожи я на них оставила!

Блуждая в бесконечной паутине ходов, о большинстве из которых Карающие, похоже, даже не подозревали, я ощущала себя вентиляционным тараканом. И, скажу я вам, это было не очень приятное ощущение.

Стоп! Вот оно. «Ловчая сеть», стальная решетка, вентилятор... Гр-р-р!

Моему взору открылся зал. Простые каменные стены, черный обсидиановый пол, двойная октограмма, налитая серебристым мерцанием. От скопившейся здесь силы колеблется воздух. А вот и объект моего паломничества – Павел из Пьющих кровь. Учитель бесильно распластался посреди рисунка, раскинув руки. Из-под потолка мне было отлично видно его лицо, осунувшееся и напряженное. Его грудь медленно вздымалась в тяжелом дыхании.

А левее, скрытый призрачными щитами, сидел, судя по всему, страж. Наверное, тот самый Рельди. Именно он тянул силу из узора на полу. Расположился этот мерзкий тип крайне неудачно, жаль. Снять его по прямой, не нарушая воздушного пространства над столбом октограммы, невозможно. Кинжал – не бумеранг, к тому же я не хочу, чтобы сюда бежались все Карающие, почувствовав постороннее магическое воздействие.

Как бы извернуться? Я чувствовала злость и раздражение. Полоснув когтями, бесшумно выдрала короб вентилятора и решетку... Легко! У меня отличные когти! Кинжал ощутимо нагрелся, впитывая «ловчую сеть». Он переполнен, больше в него ничего не влезет, досадно.

А теперь собраться и напряжиться, прикинув траекторию прыжка. Все надо проделать быстро, насколько это возможно. Очень неудобно: шахта узкая, и принять нужную позицию невозможно. Подобравшись к самому краю, я убедилась, что страж пребывает в трансе. Mr-р, отлично. Чуть наискосок, минуя узор... Хорошо, что выход не под самым потолком, но достаточно высоко.

Так. Упираемся руками и ногами в стены каменной кишки... Ну, с днем Сотворения вас! Толчок – и я стремительно вылетаю из воздуховода, снова ободрав спину. Кувыркнувшись в полете, отталкиваюсь ногами от противоположной стены и, вытянувшись вперед, по инерции обрушиваюсь всем весом на еще не обернувшегося Рельди. И мы падаем прямо на линии октограммы.

Успев вскочить до того, как мгновенно умерший страж задымился и начал обугливаться, я тревожно огляделась. Тишина... Странно. Ни звука, ни шороха. Весь магический потенциал рассеялся, частью впитавшись в труп и стены помещения. Гадкая смерть – от запаха паленого мяса меня едва не вывернуло наизнанку. Хорошо, что я с утра ничего не ела.

Но поторопимся! Перепрыгнув через все еще дымящееся тело стража, я рывком вытащила Павла из зловещего узора. Учитель находился в тяжелом забытии и на окружающее уже не реагировал.

– Павел, Павел, прием! Как слышишь меня? – нервно воззвала я. Ни встряхивания, ни мысленные призывы делу не помогли.

И тут передо мной во весь свой немаленький рост встала проблема, отпихиваемая раньше в самый дальний уголок сознания. Теперь она ехидно усмехалась и корчила рожи.

Я давно усвоила, что беспокоиться надо последовательно, по мере развития ситуации, и этот принцип раньше меня не подводил.

Как выбирать будем? Тем же путем мы вернуться не сможем, однозначно. Пьющий кровь не осилит ни одной шахты, точнее, не осилю я с вампиром на плечах. Все-таки он был весьма приличных габаритов. Значит, выбираемся через дверь и своим ходом. Поэтому надо быстренько привести учителя в чувство. Что является лучшим стимулятором для вампира? Правильно, кровь! Энергетический приемопередатчик, так сказать.

Еще пару мгновений постояв над бессознательным телом и не найдя других желающих поделиться драгоценной жидкостью, я решила. Полоснув кинжалом по запястью, я присела на корточки, орошая собственной кровью бледное лицо Павла, а потом приложила руку к его холодным губам.

– Пей давай, – прошептала я, тревожно прислушиваясь. – Пей, свою отдаю. Причем добровольно. Никогда не думала, что дойдет до такого...

Павел вдруг вздрогнул, впиваясь клыками мне в запястье, и слепо зашарил руками по полу. В резко распахнувшихся глазах царили голод и черная пустота. Я попыталась отстраниться, но вампир, сильно сдавив мою шею, повалил меня на холодный пол. Ох, ну и инстинкты у некоторых.

Клыки уверенно вспороли жилку под ухом. Я вдруг испугалась, что он выпьет меня досуха, даже отличная регенерация не спасет, и попыталась вырваться. Но где там! Одержимый жаждой, Павел был явно сильнее, хотя и я не девочка-одуванчик.

Больно-то как!

– Да пус-сти же! – шипела я, чувствуя, как с каждым судорожным глотком учителя мое сознание уплывает все дальше.

Я постепенно угасала.

– Пусты, Павел, – тихо прошелестела я.

И неразборчивое рычание в ответ.

Темнота. Здесь тепло и спокойно. Запахи свежей малины, душистой смородины, чистого свободного леса – я медленно погружаюсь в них, не желая возвращаться. Покой и свет. Тебе еще рано сюда, детка!

Я ощутила резкую боль в шее. Странный горьковатый привкус на губах. Холод. Полынь...

Открыв глаза, я встретила с вполне разумным, но очень голодным взглядом Павла. Ух, получилось!

– Встать можешь? – еле слышно спросил он, приподнимая меня с пола. – Извини, переборщил.

Ой, голова кружится! Прислонившись к стене, я всеми легкими вдохнула знакомый горьковатый аромат – неплохо мозги прочищает и вселяет уверенность в том, что все будет хорошо.

– Зачем ты сюда полезла? – яростно прошипел Павел, вцепившись в мою руку мертвой хваткой.

Можно было и попозже выкроить время, чтобы меня поругать!

– Учителя своего вытаскивать. Не сталкивался с подобным? – вяло огрызнулась я.

– А кто тебя будет отсюда вытаскивать, не подумала? Ученица ты моя недотепистая!

– Попрошу без оскорблений! Сами выберемся!

– Как? Здесь вообще-то скоро смена караула.

– М-да... что же ты раньше не сказал? – встрепелась я, отвлекаясь от не самых приятных ощущений регенерации. Живот начало потихоньку сводить от голода.

– Когда? – Голодный блеск в глазах Павла и еле сдерживаемый рык вовремя меня остановили, и я задала вопрос по делу:

– А шагнуть ты отсюда не можешь?

– Лена, – закатил глаза Пьющий кровь, – меня выдоили почти до дна! То, что мы сейчас разговариваем, – почти чудо!

– Они взяли силу? – испугалась я. – А суть?.. Это ведь было то, о чем я думаю?

– Тот самый ритуал, да. – Павел выщерил клыки в улыбке.

Я не менее зубасто улыбнулась в ответ. Похоже, Карающие не успели довести дело до конца.

И тут меня озарило.

– Кинжал!

– Что?

– Он наполнен силой под завязку! На перемещение не хватит, но невидимость сможет обеспечить. Сформируй матрицу, а я ее заполню. – Я почти кричала. Правда, шепотом.

– Это мысль, – спокойно согласился Павел. – А кто будет искать выход?

– Да я, я, конечно!

Уточнить, сумеет ли он сделать матрицу, я не решилась. Вампир откинулся на стену и вытянул руки. Между его ладонями начала формироваться крупночешуйчатая сеть. Поднимая кинжал, я удивилась тому, как тяжело мне дается каждое движение.

Так, узел сосредоточения, небольшое ментальное усилие, и сила, родственная этому месту, а поэтому почти беззвучная, переливается в чары, заставляя их сиять ослепительно-синим светом во тьме зала. Павел сделал движение рукой, будто обертывая нас обоих шалью, и ячейки плотно легли на кожу, скрывая нас от чужих взглядов. Надолго ли? Обнявшись и покачиваясь, словно пьяные матросы, мы выбрались за дверь.

Коридоры, коридоры, коридоры... Хорошо, что для проведения ритуала Карающие выбрали наиболее безлюдную часть резиденции. Направляясь по свежему следу, ведущему к выходу (я надеюсь, что именно туда – ощущаю свежий аромат летней ночи; как хорошо, что мое состояние не влияет на инстинкты), я не сразу заметила, что туннель слегка изгибается и мы бредем по широкому кругу... Оглянувшись, на миг задумалась. Ну конечно!

– Что? – напрягся Павел.

– Это бывшая резиденция Знающих!

Довелось мне побывать на одном из складов этих нелюдей, и не так давно. Сводчатые залы, длинные спиралеобразные коридоры, разветвляющиеся в самых неожиданных местах, выбраться из лабиринта которых можно, сворачивая или в коридор, ведущий вверх, или в каждое правое ответвление; еще там были запасные выходы – телепорты. Здесь меня сбила с толку неумеренная роскошь отделки, и я не сразу заметила, что стены резиденции возводили те же руки.

– Ну, теперь дело пойдет веселее, – обратилась я к Павлу. Вообще-то его состояние меня изрядно беспокоило. Вампир сосредоточенно переставлял ноги и только кивнул, глядя в пол.

Удивительная благосклонность удачи. За время блуждания мы встретили всего пару одиночек, занятых непонятными манипуляциями, и разудалую толпу учеников, перегородивших коридор возле одного из залов. Именно тогда мы свернули в узкое ответвление: заброшенную, малопосещаемую, пыльную и темную часть лабиринта, не тронутую рукой декоратора из рода Карающих. Здесь отчетливо проступал флер свежести, оставшийся от прежних владельцев.

Я уже было понадеялась, что наша авантюра закончится благополучно, но именно в этот момент и был обнаружен побег жертвы.

Перво-наперво завывли сирены противопожарной безопасности. Мы с Павлом ускорили движение, точнее, ускорила я, таща на себе невнятно ругающегося вампира и шатаясь от потери крови. Свернули еще и еще. Кажется, мы приближаемся к поверхности? Но надежда уйти незамеченными с каждым шагом все таяла.

А уж когда горячей волной накатил магический поиск!.. Общий, но оттого не менее противный. Это было похоже на поглаживание против шерсти. Я злобно зарычала, и ярость затопила сознание. Но еще не время.

Покрывало невидимости заискрило, как электроцит, в котором произошло короткое замыкание, и угасло, оставив на коже мелкие золотистые точки, пульсирующие в ритме сердцебиения.

– Это еще что? – поинтересовалась я.

Павел задумчиво хмыкнул, на миг отпустив мое плечо, и проследил за бегающими по коже огоньками. Измученно вздохнул:

– Потом объясню.

Если оно будет, это «потом».

Почему поиск ушел дальше? Может, сила, напитавшая чары матрицы, сработала как прикрытие? И почему я спокойно думаю об этом, идя по темному коридору, через силу переставляя ноги? Не лучше ли было бы биться в истерику и разъяренно метаться?..

Тупик?!!

Вот чем закончился очередной ввинчивающийся в землю коридор. Быть того не может! Павел грустно фыркнул, но индифферентно заметил:

– Кладка явно более поздняя.

Я лихорадочно принялась ощупывать стену, кожей чувствуя приближение ловчих. Время истекало. А в голове забрезжила еще одна мысль.

Из невидимых щелей в простой кирпичной стене тянуло свежей зеленью. Неактивная одноразовая гексаграмма перемещения? Там она, там! Я ее чую! И все, что нужно для ее активации, – капля крови вампира. Я раздраженно саданула кулаком по преграде, еще раз и еще. Резкая боль привела меня в чувство. С удивлением глянув на результат, я сразу воодушевилась. Мой радостный рык заставил вздрогнуть Павла, медленно сползающего по стене вниз. Выбитые кирпичи раскрошились и провалились внутрь. Сдирая в кровь кулаки и хрипло ругаясь, я атаковала перегородку, мгновенно уступившую безумному натиску.

– Идем! – Я потащила учителя через пыльные обломки, не обращая внимания на сочащуюся из порезов кровь.

Шагнув в круг, Павел бестрепетно надрезал ладонь моим кинжалом, и мы, обнявшись, стали тревожно наблюдать за активацией... От линий сложного узора медленно поднималась холодящая кожу темнота. Успеем ли? Гулкий шум в коридоре нарастал.

Черное пламя разгорелось, и одна за другой вспыхнули алым цветом линии гексаграммы. Сквозь дымку, от которой заслезилась глаза, я успела разглядеть удивление, разочарование и злость на лицах преследователей.

У меня еще достало сил показать им язык!

– Сосредоточься, – прошептал Павел в ухо, стискивая меня за талию.

И мы ушли.

Медленно открываю глаза. Мы еще живы? Удивительно. Тихая звездная летняя ночь. Красота.

Мой вам совет – никогда не пользуйтесь одноразовыми переместителями, никогда. Нас с силой протащило по городским теням, едва не размазав тонким слоем между домами, с дикой тряской и свистом, от которого разрывались барабанные перепонки. Равнодушно швырнув нас на траву, тьма ушла.

Я моргнула. Что-то важное явно ускользнуло от моего внимания.

Кстати, где Павел? Резко вскинувшись вверх, что вызвало сильный приступ звездокружения, я торопливо огляделась. Вот он. С ума сойти! Вампир спокойно разлегся рядом, задумчиво пожеывая травинку. Отрешенная обреченность явно сменилась расчетливым интересом, но... голод никуда не делся!

– А знаешь, Лена, – проговорил он, растягивая слова, – по всему выходит, что мы единственные жертвы, которым удалось не только войти в резиденцию Карающих, но и выйти из нее живыми.

– Ну да. – Неопределенно фыркнув, я зашла в приступе кашля. Затем удивленно осмотрелась по сторонам. Редкие деревья цеплялись за крутой склон, снизу несло чуть подтухшей водой. Никак не могу сориентироваться. А взять след будет просто нереально. Голова раскалывается.

– И где же мы?

– Коломенское. Неужели не узнаешь?

Ого, лихо нас протащило. Хотя логично: куда еще может вести аварийное перемещение из старой резиденции, как не к новой... Именно здесь хранятся архивы Знающих. Остается надеяться, что Карающие до этого не додумаются. Но надо убираться отсюда... Только как это сделать?

– И транспорта у тебя здесь нет, – правильно истолковал мое удивление и замешательство Павел.

– Откуда? Я вообще не на колесах... И шагнуть ты тоже не сможешь? – Медленно, но верно зверея, я поднялась на корточки.

– Даже если выпью тебя досуха, охотница, – кивнул Павел. – Я не самоубийца.

Невольно коснувшись уже зарубцевавшегося шрама на шее, я осторожно выпрямилась.

– Пойдем, что ли?

– А куда деваться, – устало вздохнул Пьющий кровь.

Замечательная ночь. И, главное, безлюдная. Что особенно важно, поскольку в таком состоянии мы с Павлом не то что от ловчих с ищейками, а от обычного людского патруля не отобьемся. Да и видок у нас потрясающий. Если Павел в изодранных джинсах еще более-менее соответствует признанным нормам, то нечто голое, грязное, покрытое кровавыми и пыльными разводами так и просится в вытрезвитель или куда там нарушителей порядка сдают.

Так мы и брели в неизвестном направлении, шатаясь и поддерживая друг друга. Наконец парк закончился. Мир сузился для меня до узкой асфальтовой дорожки между утопающими в зелени пятиэтажками. «Эх, – промчалась мимолетная мысль, – в такую ночь было бы здорово погулять!»

Шаг, еще шаг.

Противное голодное жжение в желудке заставляло поглядывать на спутника с гастрономическим интересом, похожим на тот, который сам вампир проявлял к моей крови. Ох и не поздоровится первому встречному... ларьку!

Подвергнув магазинчик безжалостному разграблению и набив желудок шоколадом и булочками, я признала, что жизнь не так уж плоха. М-да, выдирать решетку из окна, конечно, не следовало, это выглядит подозрительно... Но инстинкты оказались сильнее.

После того как я подкрепилась, голова заработала. Обнаруженная телефонная карточка оказалась весьма кстати. Павел, меланхолично попивающий сок, одобрительно кивнул.

– И куда теперь, о охотница? – сыронизировал он.

– Такси вызывать, – раздраженно огрызнулась я. Шутник, черт его побери.

– А договоренность с таксистом имеется?

– Разумеется. – Подхватив учителя под руку, я повела его дальше.

Да что за место! Только на третьем круге мне удалось заметить вожака будочки. Ну если автомат не работает, я тут устрою!.. Судя по блеску в глазах учителя, у него в голове бродили не менее кровавые мысли.

Прозвонить удалось далеко не с первой попытки. Техника! Мы с Павлом, стоя в будке друг напротив друга, мрачно бурили взглядами аппарат, упорно выдающий короткие гудки. Что-то новое, непонятное появилось в отношении учителя ко мне. Сдержанность и любопытство. Опершись руками о стекло, он создавал видимость дружеских объятий, а я, закрыв глаза, вдыхала пьянящий аромат полыни и пепла.

– Да, слушаю! – раздался долгожданный, но весьма раздраженный ответ. – Слушаю!

– Жером... – Почему у меня такой слабый умирающий голос?

– Елена? – искреннее удивление в голосе. – Где вы? Павел с тобой?

С какой стати так много вопросов? Я посопела в трубку.

– Угу, – наконец выдохнула я.

– Вы где? – Надо же, какой настойчивый.

– Где-то здесь.

– Вы в курсе, что Карающие носятся, как укушенные, прочесывают город? Вас ищут! Соображай быстрее!

– Коломенское, – глянув из-под руки Павла, сказала я, – на углу улицы... Приезжай.
– Ждите, – коротко бросил Жером.

Хорошо иметь побратима, только что это он так нервничает? Я вопросительно взглянула на вампира.

– Поговорили? – спросил он. – Пошли отсюда.

Добравшись до ближайшего подъезда, мы решили отдохнуть на крылечке. Ноги категорически отказывались идти.

– Скажите-ка, учитель, – начала я, но Павел решительно меня перебил:

– Объясни, Елена...

– Что?

– Зачем ты полезла к Карающим?

– Тебя спасти.

– Хм, ставлю вопрос по-другому. Зачем тебе было меня спасти?

– Но ты не виноват! – оторопело возразила я. – К тому же своих не бросают.

– Виноват! – яростно прошептал Павел.

– В чем?

– В том, что воспитал убийцу!

– Кого-о? – задохнувшись, протянула возмущенно я. – Да ты...

Злобно рыкнув, я оскалилась. Обида затопила сознание. Вот, значит, какого вы обо мне мнения? Идиоты! С чего я должна была убивать Кирита? Если я несдержанная и порывистая, так что – уже совсем дура?

– Никого я не убивала. Да как ты вообще мог такое подумать? Мы сколько знакомы, учитель.

– Мы так подумали, и вижу, что ошиблись, – спокойно сказал Павел, зажимая мне рот и оттаскивая в глубь подъезда. – За что по всей форме испросим у тебя прощения. Но позже. А пока – тише!

И он накинул на нас полог невидимости. В темноте я разглядела две крадущиеся фигуры. Надо отдать им должное, они сообразили, на кого охотятся, и попытались приглушить свой приторно-сладкий медовый аромат, но тонкая струйка, просочившаяся сквозь неполные (иначе они бы не смогли применить свои способности) щиты, мгновенно их выдала. И я ни капли не поверила этим ловчим, пытающимся изобразить загулявших прохожих-людей. Чтобы замаскироваться от высшего оборотня, легко берущего след, нужно что-то более сильное, чем обычные чары, оставляющие четкий флер. Карающие прошли мимо, даже не обернувшись.

– Патруль, – прошептал Павел, вжимая меня в стену и обессиленно прикрывая глаза.

Кажется, учителю опять плохо.

– Ну же, только не вздумай падать в обморок, как девица! – простонала я, когтями впиваясь в его спину.

И тут что-то случилось.

Неровная штукатурка, холодящая лопатки, тяжесть навалившегося тела и близко-близко – черные бездонные глаза, в которых пляшут завораживающие алые искры голода. Нервные чуткие пальцы, поглаживающие шею. И тихая просьба:

– Ты позволишь?

Разве я могу отказать?.. Молча откидываю голову назад и вбок, так, чтобы видеть улицу. Павел медленно наклоняется и очень нежно касается губами бьющейся на шее жилки. Машинально обнимаю его за талию, затылок удобно ложится в ладонь учителя.

Делаю глубокий вдох. Мир сдвинулся, когда кровь начала покидать меня. «Удивительно. Почему-то сейчас это не так больно», – отрешенно подумала я.

Со стороны мы были похожи на страстно обнимающихся влюбленных. Все глубже погружаясь в тишину и спокойствие полусна-полусмерти, я поняла, что почти не ощущаю собственного тела. Дергающая боль в шее все отдалялась. Я уже потеряла счет времени и плоткам, по груди потекла струйка горячей крови. Но это совсем неважно.

Какое-то движение вывело меня из забвения. Воздух колыхнулся, донесся до меня горячую волну чьего-то недовольства. Припозднившаяся парочка направлялась прямо в этот подъезд. Я слабо шевельнулась, пытаюсь высвободиться и привлечь внимание Павла, запустила руки в его спутанные волосы, и губы изрекли почти без участия разума:

– Кто-то идет. Прервись.

Вампир поднял голову, блеснув клыками, и облизнулся. Мельком оглянувшись, он принял какое-то решение, и в тот момент, когда люди хлопнули входной дверью, прильнул поцелуем к моим холодным губам. Я возмущенно дернулась и хотела что-то сказать, но новые потрясающие ощущения накатили бурной волной, смывая остатки сознания. Восхитительное, непередаваемое чувство. Аромат опасности, крови и смерти окутал меня, страсть породила вихрь, раскрутившийся и безумной волной пронесшийся сквозь тело.

Двое прошли мимо, брезгливо передернувшись.

Все-таки разумом я отметила, что поцелуй Павла весьма умелый, но какой-то равнодушный. Непорядок. Низменное жаркое желание требовало немедленной реализации. Довольно заурчав, я ответила на поцелуй. Да, за двести или сколько там лет можно научиться многому, но и я не монашка-отшельница!..

Оторвались мы друг от друга с трудом, нескоро и, мягко говоря, слегка ошеломленные. Правда, говорю только за себя. Не ожидала от своих бунтующих инстинктов такой подлости! И это при том, что вампира в качестве партнера раньше я категорически не воспринимала.

Следующие полчаса прошли в напряженном молчании. О чем думал Павел, хмуро замерший напротив, только Создатель знает. Я искренне надеялась, что он спишет произошедшее на стресс, вот только самой мне очень трудно было объяснить причину гормонального взрыва.

– А вот и Жером, – облегченно пробормотал учитель.

Я выглянула за дверь.

Действительно, по улице медленно ехал знакомый «ситроен» с подмосковными номерами, прятавшийся раньше в гараже альфа. Автомобиль остановился у телефонной будки. В выскочившей на свет фонарей фигуре я без труда опознала нашего друга. Он настороженно огляделся и уже собрался было уезжать, когда мы дружно вышагнули из подъезда ему навстречу...

Свернувшись клубком на заднем сиденье, я напряженно думала.

Пьющие кровь, они же вампиры, бывают разные. Высшие и низшие, рожденные и обращенные, старые и молодые. Вот только полукровок почему-то не бывает. Смешение вампирской расы с человеческой невозможно. Обращенные вампиры раньше были людьми; их выпили почти досуха, а потом сделали, так сказать, переливание крови, изменяющей суть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.